В. ЧЕРНЫШЕВЪ.

РУССКОЕ УДАРЕНІЕ.

Пособіе къ его изученію и употребленію.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Безобразовъ и К°. В. О., Большой пр., 61.
1912.

Предисловіе.

Настоящая книжка предлагаетъ читателю нѣкоторыя теоретическія разъясненія и значительное собраніе примѣровъ, касающихся русскаго ударенія. Она является дополненіемъ къ брошюрѣ того же автора: „Законы и правила русскаго произношенія“, гдѣ указаны важнѣйшія формы подвижного литературнаго русскаго ударенія въ измѣненіяхъ и образованіи словъ, но почти ничего не говорится какъ о колебаніяхъ въ области ударенія, такъ и объ отступленіяхъ ударенія отъ общеупотребительныхъ формъ. Въ настоящей брошюрѣ именно и разсматриваются факты этихъ двухъ родовъ. Такимъ образомъ, собранные здѣсь примѣры исключительно относятся къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ встрѣчаются какія-либо затрудненія для лицъ вполнѣ владѣющихъ русской литературной рѣчью. Такъ, никто изъ насъ не задумается, съ какимъ удареніемъ сказать слова: корова, лѣто, добрый, семейный, четыре, искать, дышать, селомъ, лодку, лѣсами, искусны, люблю и т. д. Въ огромномъ большинствѣ словъ для образованнаго русскаго человѣка не возникаетъ даже вопроса о мѣстѣ ударенія, и мы употребляемъ слова совершенно вѣрно по привычкѣ, даже не думая объ удареніяхъ, точно такъ же, какъ крестьяне, совсѣмъ не знающіе, что такое удареніе, массу словъ говорятъ съ вѣрными, общепринятыми удареніями и только сравнительно въ немногихъ отступаютъ отъ литературнаго языка. И въ рѣчи образованныхъ людей есть такія отступленія и колебанія въ удареніи, которыя и ставятъ насъ въ затруд-

ненie. Напримѣръ, мы слышимъ, что одни говорятъ нýжда, а другiе —нуждá, у Пушкина находимъ почти всегда ударенiе музы́ка, а въ басняхъ Крылова всегда—мýзыка. Фетъ употребляетъ слово верба съ ударенiемъ въ началѣ (вéрба), а Случевскiй—съ ударенiемъ въ концѣ (вербá). Естественно, что у насъ возникаютъ вопросы: какое же ударенiе лучше, съ какимъ намъ слѣдуетъ говорить то или другое слово?

Отвѣта на этотъ вопросъ мы ищемъ въ словаряхъ, въ тѣхъ немногихъ грамматикахъ, которыя даютъ указанiя на ударенiе словъ, или въ различныхъ справочныхъ пособiяхъ по ударенiю. Для того, кто желаетъ знать только самый фактъ и не интересуется его объясненiемъ, кажется, ничего не можетъ быть лучше полнаго и систематичнаго справочника. Однако едва ли возможно составить и подыскать книгу, обладающую такой абсолютной полнотой, которая отвѣчала бы на всѣ затруднительные вопросы. Мѣстность, въ которой мы живемъ, общество, въ которомъ мы обращаемся, трудъ, которому мы отдаемся,—все накладываетъ особый отпечатокъ на нашъ языкъ и создаетъ особыя своеобразныя потребности, которыя очень трудно предусмотрѣть и удовлетворить. Кто рѣшится помѣстить въ словарикъ ударенiй слова: инако, наопакъ, намятухъ, призапонь, решетина, скважня, тороченный, утельга, фалерцовый, чресла? Между тѣмъ, эти слова могутъ встрѣтиться не только въ спецiальномъ, но и въ обыкновенномъ разговорѣ (напримѣръ, есть выраженiе: «инако мыслящiй»), или могутъ попасться преподавателю при чтенiи вслухъ какого-либо стараго текста. Тутъ и для лицъ, знающихъ эти слова, есть затрудненiе въ ударенiи. Если мы обратимся къ академическому словарю, то увидимъ, что всѣ эти слова допускаютъ двоякое ударенiе: и́нако и инáко, нáопакъ и наóпакъ, нáмятухъ и намятýхъ, при́запонь и призáпонь, решéтина и рѣшети́на, сквáжня и скважня́, торóченный и торочённый, ýтельга и утельгá, фалéрцовый и фалерцóвый, чрéсла и чреслá.

Нельзя, конечно, сказать, что знанiе или незнанiе ударенiя

въ подобныхъ рѣдкихъ словахъ—важное дѣло. Мы говоримъ лишь о томъ, что этого знанія можно иногда не получить изъ тѣхъ источниковъ, которые во многихъ другихъ случаяхъ оказываются намъ очень полезными.

Затѣмъ, при пользованіи справочными пособіями, изрѣдка можетъ оказаться еще одно неудобство: въ справочникѣ найдутся кое-какія данныя, которыя хотя и есть въ словаряхъ и грамматикахъ, но которыхъ нѣтъ въ современномъ живомъ языкѣ образованнаго русскаго общества. Книжныя данныя въ извѣстныхъ частяхъ всегда старѣютъ, и черезъ нѣкоторое время между ними и живымъ литературнымъ языкомъ оказывается большее или меньшее несоотвѣтствіе. Напримѣръ, старинная грамматика Россійской Академіи указываетъ удареніе въ словѣ битва на концѣ (битва́), какъ теперь говорятъ только необразованные люди и при томъ лишь на сѣверѣ Россіи. Знаменитые наши филологи Востоковъ и Гротъ даютъ ударенія легóкъ, садѝшь, которыя теперь совсѣмъ вышли изъ употребленія въ литературномъ языкѣ.

Наконецъ, если для составителя справочнаго пособія по ударенію московское литературное нарѣчіе не является роднымъ, усвоеннымъ съ дѣтства, то можно сказать почти навѣрное, что онъ внесетъ въ свою книгу особенности родного ему мѣстнаго языка, то-есть нѣкоторые провинціализмы. Это другая опасная сторона справочныхъ пособій, которыя нерѣдко составляются на окраинахъ Россіи, такъ какъ тамъ больше отклоненій въ удареніи и болѣе нужны пособія для его употребленія. И эта опасность не такъ ничтожна, какъ кажется. Если Ломоносовъ, Жуковскій, Лермонтовъ, Тургеневъ, Л. Толстой сохранили въ своемъ языкѣ живые слѣды родныхъ имъ мѣстныхъ нарѣчій, то, конечно, много мѣстнаго остается въ языкѣ каждаго изъ насъ.

Итакъ, взявшись за изученіе ударенія чисто практически, т. е. узнавая и усвоивая его путемъ справокъ, мы, казалось бы,—не узнавши только его теоріи,—отлично могли знать всѣ отдѣльные факты. Однако, какъ мы уже замѣтили, не найдется такого источника, который давалъ бы всѣ факты

въ готовомъ видѣ. Чтобы избѣжать ошибокъ, нужно умѣть взвѣсить, оцѣнить тотъ или иной фактъ, а этого безъ теоретическихъ взглядовъ сдѣлать невозможно.

Но хуже всего то, что у лицъ изучающихъ отдѣльные факты и равнодушныхъ къ той общепринятой теоріи, которая ихъ объясняетъ, нерѣдко очень твердо укореняются или рутинные неправильные взгляды на вопросъ, или свои собственные—часто случайные, основанные на искусственномъ подборѣ данныхъ, а иногда и совершенно фантастическіе. Обыкновенно говорятъ въ томъ родѣ, что музы́ка у Пушкина и верба́ у Случевскаго постановлено „для размѣра стиха“; иногда добавляютъ еще, что въ стихахъ постоянно встрѣчаются подобныя „неправильныя“ ударенія. Рѣшая такъ легко вопросъ о стихотворныхъ удареніяхъ, у насъ и обращаются съ ними весьма свободно. Не только школьники „ломаютъ“ тотъ или другой стихъ поэта, не понимая и не чувствуя его произношенія, но даже выступающіе передъ публикой чтецы иногда произносятъ стихи не ритмично, т. е. вмѣсто стихотворныхъ ударен̆ій поэта даютъ свои собственныя прозаическія ударенія. Даже на пластинкахъ граммофона назначенныхъ для распространенія въ школахъ и изученія образцоваго произношенія закрѣплены неправильныя чтенія стиховъ. Напримѣръ: Вдругъ сразма́ху на двухъ животныхъ набѣжалъ (необходимо читать: сро́змаху). Что у него должна быть симпа́тія съ нами (необходимо читать: симпатı́я).

Равнодушіе къ теоріи языка и вниманіе къ его фактамъ вызываетъ и другой немалый недостатокъ въ изучающихъ—преклоненіе передъ тѣмъ или другимъ источникомъ. Часто любители языка, люди весьма много знающіе, имѣютъ какое-то фанатическое довѣріе къ тому или другому авторитету. Если, напримѣръ, въ академическомъ словарѣ показано такое, а не иное удареніе, то поклонникъ этого источника не принимаетъ уже къ свѣдѣнію ни фактовъ, ни убѣжденій, что спорное слово допускаетъ и другое удареніе. Факты, изучаемые безъ основательныхъ теорій, суживаютъ мысль человѣка, дѣлаютъ его мелочнымъ и педантичнымъ. Такой человѣкъ

будетъ усиленно добиваться, какъ же сказать лучше: и́зъ лѣсу или изъ лѣсу, ну́жда или нужда́, не́ бралъ или не бра́лъ? Между тѣмъ каждое изъ этихъ произношеній такъ распространено въ современномъ намъ литературномъ языкѣ, что нѣтъ никакихъ основаній отказываться отъ одного усвоеннаго нами произношенія въ пользу другого.

Авторъ этой небольшой книги не имѣетъ въ виду дать читателю отличающійся полнотою справочникъ для отвѣта на вопросы о мѣстѣ ударенія. Онъ собралъ довольно большой матеріалъ, но не для догматическихъ отвѣтовъ на вопросы на которые, по его убѣжденію, должны отвѣчать не одни словари и грамматики, а непремѣнно еще самъ языкъ и его лучшіе знатоки, охранители и распространители—родные поэты. Приведенные изъ нихъ примѣры русскихъ удареній, кромѣ голаго отвѣта на то или друго недоумѣніе, даютъ еще нѣкоторые матеріалы и для доказательства извѣстныхъ мнѣній и для разсужденія объ удареніяхъ. Только путемъ изученія фактовъ и сопоставленія ихъ мы можемъ каждый разъ рѣшить тѣ основные вопросы объ удареніи, въ которыхъ заключается сущность дѣла: 1) является ли данное удареніе слова единственнымъ въ литературномъ языкѣ? 2) не есть ли оно устарѣлое, архаичное? 3) не представляется ли оно мѣстнымъ, провинціальнымъ?

Составитель настоящаго пособія желалъ бы помочь сознательному изученію и. по прекрасному старинному выраженію. «разсудительному употребленію» русскаго ударенія. Вмѣсто книги, въ которой «все» сказано, онъ рекомендуетъ, не стремясь къ этому суетному всезнанію, обратиться къ драгоцѣннѣйшему и безгранично богатому источнику—самому живому русскому языку, изучать его съ любовью, вниманіемъ и тщательностью какъ въ говорѣ людей изящно образованныхъ, такъ и въ безхитростной рѣчи простолюдина, и въ ихъ отраженіи—стихотворныхъ произведеніяхъ. Кто научится извлекать, сравнивать, оцѣнивать матеріалъ, взятый изъ этой сокровищницы родного слова, тому откроется столько книгъ по русскому языку, разъяс-

нится столько вопросовъ, что всякіе справочники будутъ приносить ему только одну пользу и не смутятъ ни какой своей неточностью.

В. Чернышевъ.

29 октября 1911 года.

Удареніе словъ.

§ 1. Русское удареніе строго опредѣленно относительно огромнаго большинства словъ. Возьмемъ для примѣра сочетаніе словъ: «о́коло на́шего до́ма растётъ ста́рая берёза». Ни въ одномъ изъ данныхъ словъ невозможно перенести удареніе на какой-либо другой слогъ. Самый необразованный русскій человѣкъ произнесетъ всѣ приведенныя слова съ правильными удареніями. Вообще, въ русскомъ словарѣ есть общая для всего русскаго народа масса словъ, произносимыхъ вездѣ съ одинаковыми удареніями. Только нѣкоторая, сравнительно небольшая, часть словъ не имѣетъ устойчиваго ударенія, допуская его въ двухъ, а въ рѣдкихъ случаяхъ, и въ трехъ мѣстахъ. Сюда относятся слѣдующія слова: аго́нія и агоні́я (рѣже), астро́номъ и астроно́мъ, атмо́сфера и атмосфе́ра, ба́ловать, ба́луя и балова́ть, балу́я, безпо́мощный и безпомо́щный (рѣже), безы́менный и безымя́нный, библіо́тека и библіоте́ка, броня (рѣже) и броня́, бы́стрый и быстро́й (народное), ве́рба и верба́ (южное), вза́ймы и взаймы́, вздро́гнуть и вздрогну́ть (рѣже), ви́шневый и вишнёвый, во́дополь и водопо́ль (рѣже), волше́бство (старинное) и волшебство́, воро́та (сѣверное) и ворота́ (южное), все́нощная и всено́щная, высо́ко и высоко́, вѣ́нчанный и вѣнча́нный, ге́тманскій и гетма́нскій (малороссійское), глубо́ко и глубоко́, гля́нуть и гляну́ть, го́спиталь (го́шпиталь) и госпита́ль (гошпита́ль), гра́жданинъ, гра́ждане и граждани́нъ, гражда́не, гробо́вый (рѣже) и гробово́й, громо́вый и громово́й, гро́моздкій и громо́здкій, гу́ба и губа́, гу́стый (рѣдко) и густо́й, гу́торить, гу́торя и гуто́рить, гуто́ря, да́бы и дабы́, далеко и далеко́, де́спотъ и деспо́тъ, дне́вный (старое) и дневно́й, до́быча (рѣдкое) и добы́ча, до́-

сыта и досыта, дотрбнуться и дотронуться (рѣдкое), дрбгнуть и дрогнуть (рѣже), дѣвица и дѣвица (чаще). дѣвичій и дѣвичій, дѣятельный и дѣятельный (народное), дѣятельность и дѣятельность (народное), евнухъ и евнухъ, египтянинъ, египтянка и египтянинъ, египтянка, еретикъ (рѣже) и еретикъ, жаждать и жаждать, жемчугъ и жемчугъ (рѣже), забытье (рѣдко) и забытье, завѣса (рѣже) и завѣса, загрязненый и загрязнёный, запасный и запасной, запыленный и запылённый, заразъ и заразъ, засуха (южное) и засуха (сѣверное), затверженный и затвержённый, затрбнуть и затронуть, защелкать и защелкать (рѣже), зелёный и зеленой (народное), зеркальный и зеркальный, зефиръ (старинное) и зефиръ, знахарь, знахарка и знахарь (народное), знахарка, золотце и золотцо, золоченый и золочёный, зѣница (старое) и зѣница, избранный и избранный, издавна, издавна и издавна, издалека и издалека, издали и издали (рѣже), или и или (южное), инако и инако, иначе и иначе, калёный и каленой (народное), камешекъ и камешокъ (рѣже), канаусъ и канаусъ, кара и кара (рѣдко), каѳедра и каѳедра (народное), квакушка и квакушка, кедровый (южное) и кедровый, кладбище (рѣже) и кладбище, клеить (рѣже) и клеить, клинокъ и клинокъ, княжить и княжить, княжій и княжой (народное), кондукторъ и кондукторъ, конура и конура, коротать (южное) и коротать, кромѣ и кромѣ (старинное), лавровый (старинное) и лавровый, ледяный старое) и ледяной, лезвіе и лезвіе, ливнемъ и ливнёмъ (рѣже), макушка (рѣже) и макушка, машина (рѣдко) и машина, между и между, меньшій и меньшой, мелочный и мелочной, милый и милой (народное), минуло и минуло, міряниннъ и міряниннъ (рѣдко), млечный и млечной (рѣдко), мозаика и мозаика, молодецъ (народное) и молодецъ, музыка и музыка (старинное), мышленіе и мышленіе, мѣта и мѣта, наединѣ и наединѣ, нажитый и нажитой, наковальня и наковальня, начисто и начисто, недугъ (народное) и недугъ, не-

движимо и недвижимо, ненависть и ненависть (сѣверное), неужели и неужели, низовый, низовый и низовой, ножны (рѣже) и ножны, нужда и нужда, облачко и облачко, ободриться (рѣже) и ободриться, оборванецъ и оборванецъ, обыденный и обыдённый, окровавленный и окровавлённый (рѣже), опрометью и опрометью (старинное), опрѣснокъ (рѣже; примѣръ см. присловѣ улей) и опрѣснокъ (славянское), орнаментъ и орнаментъ, осока и осока (южное), остовъ и остовъ (рѣдко), отсталый и отсталой (рѣже), парчёвый (рѣже) и парчевой, паспортъ и паспортъ, переполошить и переполошить, петля и петля (южное), плетень и плетень, поднебесье и поднебесье, плита и плита (чаще), полночь и полночь, порскать и порскать порхнуть (рѣже) и порхнуть, поселянинъ и поселянинъ, похороны, похоронъ и похороны, похоронъ, почтовый и почтовой, прабабушка и прабабушка, праотецъ и праотецъ (рѣдко), преданность и преданность (старинное), приговоръ (рѣже) и приговоръ, призракъ и призракъ (старинное), принаряженный и принаряжонный, принципъ и принципъ, проклятый и проклятой, просѣка и просѣка, противъ и противъ (рѣже), прыгнуть, перепрыгнуть, спрыгнуть (рѣже) и прыгнуть, перепрыгнуть, спрыгнуть, психологъ и психологъ, пугалище и пугалище (рѣдко), пуховой и пуховой, пѣнье и пѣньё (старинное), пѣшій и пѣшой (народное), пята (рѣдко) и пята, работать и работать (народное), равенство и равенство (рѣдко), ретивый и ретивой (народное), розмахъ и размахъ, русло и русло, рыбарь и рыбарь, рѣзьба (рѣже) и рѣзьба, рябый (южное) и рябой, садовый и садовой (рѣже), сажень и сажень, символъ и символъ (старинное), синодикъ и синодикъ, скатный и скатной, скульпторъ и скульпторъ, случай и случай (народное), слюда и слюда, снигирь (рѣже) и снигирь, спроста, спросту и спроста, старшій и старшой (народное), статуя и статуя, студёный и студеной (народное), судно и судно (рѣже), счастливъ, счастливый и счастливъ, счастливый, сѣдина (рѣже) и

сѣдина́, та́инственный и таи́нственный, тéрновый (рѣдко) и терно́вый, ти́тулъ и титу́лъ, то́пливо и топли́во (южное), то́тчасъ и тотча́съ, то́щій и тощо́й (народное: „конь тощо́й хозяинъ скупой", пословица), танцо́вщица и танцовщи́ца, тра́пеза и трапе́за, тро́нуть и трону́ть (старинное), ту́гій и туго́й, тулу́пишко и тулупи́шко, у́да, у́дить и уди́ть, уда́ (рѣже), уда́лый и удало́й, у́лей и уле́й (рѣже), ускóрить и ускори́ть, уста́лый и устало́й, филóсофъ и филосо́фъ (старинное), ха́осъ и хао́съ, хара́ктерный и характéрный, хмéльный (рѣже), и хмельно́й, хо́лодность и холо́дность, христіа́нинъ и христіани́нъ, хромо́й и хро́мый (южное), цвѣ́тный и цвѣтно́й, челоби́тье и челобитьё (старинное), чéстное слово и честно́е слово (старинное и народное), чи́стый и чисто́й (народное). шо́лковый и шелко́вый (рѣже), ширóко (сѣверное) и широко́ (южное), щёлкать, щёлкнуть (сѣверное) и щелка́ть, щелкну́ть (южное), я́шмовый, яшмо́вый и яшмово́й.

§ 2. Кромѣ приведенныхъ здѣсь, есть въ литературномъ языкѣ и другія слова, допускающія двоякое удареніе Мы не имѣемъ для нихъ примѣровъ изъ авторовъ, и потому приводимъ ихъ здѣсь отдѣльно: а́ло и ало́, безвре́менно, безвре́менность, безвре́менный и безвремéнно, безвремéнность, безвремéнный, бо́ртовый и бортово́й, бра́тчина и братчи́на, гéрбовый, гéрбо́вый и гербово́й („за неимѣніемъ гербово́й, пишется на простой", пословица), гори́хвостка и горихво́стка, гра́дскій и градско́й, гу́сеница и гусени́ца, гу́сыня и гуси́ня, дови́тый и довито́й, до́бѣла и добѣла́, дря́нный и дрянно́й, жи́вокость и живоко́сть, за́волочье, заво́лочье и заволо́чье, за́гнутый и загну́тый, за́города и загоро́да, заря́женный и заряжо́нный, засо́ренный и засорённый, засу́шенный и засушо́нный, зача́тый и зачато́й, зѣ́пичный и зѣни́чный, избáвитель, избáвителница и избави́тель, избави́тельница, изсѣ́ченный и изсѣчённый, исчéрненный и исчернённый, ко́косовый и коко́совый, ко́лотье и коло́тье, коро́тко и коротко́, кочéвье и кочевьё, ко́шенный и кошо́нный, кре-

мéшекъ и кремешóкъ, крýпинка и крупи́нка, кувы́ркнуть и кувыркнýть, кýчерскій и кучерскóй, лéса и лесá, лéдникъ и ледни́къ, лéпта и лептá, медовóй и медóвый, мóкро и мокрó, мѣна и мѣнá, навáрный и наварнóй, навóстренный и навострённый, наклéенный и наклеённый, налóженный и наложóнный, наóстренный и навострённый, напласта́ть и напластáть, нáсморкъ и насмóркъ, нáспѣхъ и наспѣхъ, нáткнутый и наткнýтый, нацѣженный и нацѣжóнный, начáтый и начатóй, начи́ненный и начинённый, ни́зовье и низовьё, обвáрный и обварнóй, обвóстренный и обвострённый, обрóненный и оброненный, обрѣшéтить, обрѣшéченный и обрѣшети́ть, обрѣшечённый, окрýжный и окружнóй опи́ленный и опилённый, осéрженный и осержóнный, острóченный и острочённый, остýженный и остужóнный, отвáленный и отвалённый, отрóщенный и отрощённый, отрýбный и отрубнóй, пáсторъ и пастóръ, пáхота и пахотá, педáгогъ (рѣже) и педагóгъ, передвóенный и передвоённый, переклéенный и переклеённый, перекрóенный и перекроённый, перéмкнутый и перемкнýтый, пересвéрленный и пересверлённый, пересóленный и пересолённый, пересолóженный и пересоложóнный, пересýченный и пересучённый, перехи́тренный и перехитрённый, перецѣженный и перецѣжóнный, пили́кать и пиликáть, пи́ршество и пиршествó, плáтина и плати́на, пломби́ровать и пломбировáть, подпи́ленный и подпилённый, подсýшенный и подсушóнный, подсы́ченный и подсычённый, пóлбенный и полбенóй, пóлгода и полгóда, полóженный и положóнный, пóслушникъ и послýшникъ, посýленный и посулённый, почáтый и початóй, прáзнество и празднествó, препрóстый и препростóй, при́быльный и прибыльнóй, прижи́тый и прижитóй, прили́вный и приливнóй, прили́тый и прилитóй, прилѣпленный и прилѣплённый, при́нятый и принятóй, пристáлый и присталóй, провáленный и провалённый, провóдный и проводнóй, прóводы и провóды, проповѣдный и про-

повѣдно́й, прoха́рчиться и прохарчи́ться, проя́вленный и проявлённый, разма́шный и размашно́й, разры́вный и разрывно́й, расхва́ленный и расхвалённый, расхоло́женный и расхоложённый, рѣ́зво и рѣзво́, сва́рливость, сва́рливый и сварли́вость, сварли́вый, сва́рный и сварно́й, скла́дчина и складчи́на, скле́енный и склеённый, ско́бленный и скоблённый, скри́вленный и скривлённый, слега и слега́, снаря́женный и снаряжённый, со́сна и сосна́, со́тканный и сотка́нный, спе́реди и спереди́, спи́ленный и спилённый, спи́ртовый и спирто́вый, спо́лохъ и споло́хъ, споло́шить и сполоши́ть, спья́на и спьяна́, сро́дство и сродство́, ста́ростинскій и старости́нскій, су́ченный и сучённый, сы́споди и сысподи́, та́инственно и таи́нственно, то́пленный и топлёный, то́рфяный и торфяно́й, то́ченый и точёный, тро́стяный и тростяно́й, тру́бчатый и трубча́тый, упро́стить и упрости́ть, фо́сфоръ и фосфо́ръ, фрукто́вый и фруктово́й, фунда́ментъ и фунда́ме́нтъ, че́репный и черепно́й, я́вленный и явлённый.

§ 3. Въ агоні́и ужасной всю ночь пролежалъ. Буренинъ, Сонъ Евгенія Арама.

„Однако, вы—астро́номъ!“
Сказалъ мнѣ генералъ. Некрасовъ, Балетъ.
Предчувствіе явленія ея
Въ атмо́сферѣ́ носилося заранѣ. Некрасовъ, Новости.
Зевесъ, балу́я смертныхъ чадъ,
Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки. Пушкинъ, Стансы.
Высоко́ надъ головой
Подняли безпо́мощныя руки. К. Р., Севастіанъ-мученикъ, XXXIX—XL.
Безпомо́щно
Были мы преданы морю. Жуковскій.
Увы, что нашего незнанья
И безпомо́щнѣй, и грустнѣй? Тютчевъ.
Гдѣ ты, ваятель безымя́нный
Богини вѣчной красоты? Пушкинъ, Кто знаетъ край.
Съ журналами другими не воюй;
Ни съ „Библіо́текой для чтенья“, ни
Съ „Записками“, ни съ „Сѣверной Пчелою“. Жуковскій, Двѣ повѣсти.
И бро́нею покрывшись, Изабелла...
Примчалась въ станъ враговъ. Жуковскій, Орлеанская Дѣва.
И много разъ, на кучахъ вражьихъ бро́ней,
У ногъ своихъ закланныхъ видѣлъ Доней. А. Толстой, Ругевитъ.

На немъ броня́, пищаль, колчанъ... Пушкинъ, Кавказскій Плѣнникъ.
Вонъ хоть рѣчкѣ поклонись,
Хошь у бы́строй поучись. Мей, Пѣсня.
Надъ быстро́й водой зеленѣючи,
Злой кручинушки не знаючи,
Оба дерева обнимаючи. (Народное). А. Толстой, Ты почто, злая кручинушка.
Ужъ вѐрба вся пушистая
Раскинулась кругомъ. Фетъ.
Жметъ листъ къ вѣтвямъ нагрѣтая верба́. Случевскій, Полдневный часъ...
Достоинствъ, вѣдь, взаймы́ не ищутъ никогда. Хемницеръ.
Но какъ онъ вздро́гнулъ, какъ воспрянулъ... Пушкинъ, Полтава, I.
Вы помните? Вздрогнёмъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь. Грибоѣдовъ, Горе отъ ума.
Вздрогну́лъ послѣдній разъ
И умеръ. Буренинъ, Собачій пиръ.
Во́дополь все прибываетъ. Мей, Сумерки.
Источникъ за ви́шневымъ садомъ... А. Толстой.
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшёбствѣ состязались. Пушкинъ, Къ вельможѣ.
Она мой видъ взялась
Перемѣнить волшёбства тайной силой. Буренинъ, Испытаніе женъ, XXXVI.
И волшебство́ мечты, и сердца благодать. Случевскій, Послѣдняя слеза.
Какимъ то волшебство́мъ
Природа красками мгновенно расцвѣтилась. Надсонъ, Бываютъ дни.
Потихоньку вороного сѣдлаетъ,
Полегоньку выводитъ за воро́та. Пушкинъ, Кормомъ, стойлами, надзоромъ.
Въ ворота́ вошла она. Пушкинъ, Сказка о мертвой царевнѣ.
Онъ радъ бы въ первые тутъ шмыгнуть ворота́—
Да то лишь горе,
Что всѣ воро́та на запорѣ. Крыловъ, Волкъ и котъ.
Звонятъ ко всёнощной,
Къ молитвѣ благостной. И. Аксаковъ, Бродяга.
Съ поляны коршунъ поднялся,
Высо́ко къ небу онъ взвился. Тютчевъ.
Высоко́ ты, змѣя, забираешься. Полонскій, Орелъ и змѣя.
Хоть высоко́, но ты на привязи летаешь...
А я, хоть правда не высо́ко,
За то лечу,
Куда хочу. Крыловъ, Бумажный змѣй.
Вѣнча́нный славой безполезной,
Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной. Пушкинъ, Полтава.
Ты, убѣленный сѣдинами,
Вѣнча́нный славою пѣвецъ... К. Р., А. А. Фету.
Надъ дверью щитъ съ гетма́нской булавою. А. Толстой, Ты знаешь край.

Все, что спитъ въ душѣ г л у б о к о,
Въ этотъ мигъ озарено. Полонскій, Лунный свѣтъ.
Съ моей мечтой г л у б ó к о хмурой. Случевскій, Когда, дитя, передо мной...
Я вздохну́лъ
Такъ г л у б о к ó. Лермонтовъ, Ночь I.
Я г л у б о к ó мои страданья
Въ самомъ себѣ похоронилъ. Полонскій, Кумиръ.
Чтобы г л я́ н у т ь они не могли. Случевскій, Невѣста.
Летитъ, летитъ: в з г л я н у́ т ь назадъ
Не смѣетъ. Пушкинъ, Евгеній Онѣгинъ, III. 38.
В з г л я н у́ лъ по привычкѣ подъ крышу... Майковъ, Ласточки.
Въ амбаръ и въ погребъ з а г л я н у́ т ь. Пушкинъ, Графъ Нулинъ.
Ихъ повлекли назадъ, къ предѣламъ той земли,
Гдѣ битвы жаркія пылали,
Къ мѣстамъ побоища, въ дома, въ г о ш п и т а л и́. Голенищевъ-Кутузовъ, Средь камней и крестовъ.
Всѣ г р а́ ж д а н е согласно показали. Пушкинъ, Борисъ Годуновъ, Кремлевскія палаты.
Я вамъ совѣтую, г р а ж д а́ н е, колебаться. Батюшковъ, Странствователь и домосѣдъ.
Московскіе г р а ж д а́ н е!
Вамъ кланяться царевичъ приказалъ. Пушкинъ, Борисъ Годуновъ, Лобное мѣсто.
И міра юнаго, покоенъ, примиренъ,
Я стану вѣчнымъ г р а ж д а н и́ н о м ъ. Фетъ, Кричатъ перепела...
Г р о б ó в ы й мастеръ взоры клонитъ. Пушкинъ, На выздоровленіе Лукулла.
На лицо черезъ щели г р о б ó в ы я
Проступить не успѣла вода. Некрасовъ, 25 ноября, 1861.
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ г р о б о в ó й. Пушкинъ, Русланъ и Людмила, II.
(Вода) Которую приноситъ ангелъ, въ видѣ
Г р о м ó в ы х ъ тучъ. Полонскій, Магометъ.
Нѣтъ, это женщина съ могучими сосцами,
Съ г р о м ó в о й рѣчью, съ грубою красой. Буренинъ, Собачій пиръ.
И грянетъ г р о м о в ó й ударъ. Голенищевъ-Кутузовъ, Когда, святилище души...
У тебя, знать, г у́ б а -то не дура. Майковъ, Три правды (варіантъ).
А я ребенкомъ былъ и тщательно искалъ
Хоть признака усовъ надъ верхнею г у б ó ю. Надсонъ, Страничка прошлаго.
За стеклами ночь г у́ с т а я чернѣла. Жуковскій.
Пыль клубится облакомъ г у с т ы́ м ъ. К. Р., Севастіанъ-мученикъ, I.
И, весело г у́ т о р я, около чашки
Сваты и пчелинецъ усѣлись въ кружокъ. Никитинъ, Купецъ на пчельникѣ.
Г у т ó р я слуги вздоръ, плетутся вслѣдъ шажкомъ. Крыловъ, Муха и дорожные.
[Собаки] Иногда, напротивъ,—ни гу-гу! хотя бы
Объ ограду нашу теря боровъ, д á б ы

Почесать щетинный бокъ свой. Полонскій, Собаки.
Далёко звонкіе ихъ слышны голоса. Полонскій, Жницы.
И мигаютъ далёко, далёко
Уходящія нити огней. Allegro, Петербургская ночь.
Не далеко́ до хаты —
Знакомый шестъ мелькаетъ за бугромъ. Полонскій, Дорога.
Вѣтеръ ихъ разнесъ
Далеко́, далёко! А. Толстой, Ой стоги, стоги.
Я былъ высоко́, далеко́ отъ земли. Allegro, Я былъ высоко...
Обычай—дѐспотъ межъ людей. Пушкинъ, Евгеній Онѣгинъ.
Онъ желѣзный
Былъ человѣкъ; фантастъ во всемъ, деспо́тъ. А. Майковъ, Княжна, IV.
Лишь только днёвный шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ. Ломоносовъ.
Она тогда возставъ со днёвнымъ вдругъ свѣтиломъ,
Трудилась на гумнѣ съ сосновымъ молотиломъ. В. Майко́въ, Елисе́й.
Свѣтило днёвное ужъ къ западу текло. Батюшковъ, Умирающій Тассъ.
Мнѣ скученъ міръ, мнѣ страшенъ днёвный свѣтъ. Пушкинъ, Элегія (Опять я вашъ).
И въ темный нишъ, гдѣ сумракъ воцарился,
Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневно́й. Пушкинъ, Сонъ.
Вспорхну́лъ—и къ до́бычѣ пустился. Державинъ. *)
Ягненка видитъ онъ, на до́бычу стремится. Крыловъ, Волкъ и ягненокъ.
Добы́ча, право, недурная! Крыловъ, Левъ на ловлѣ.
Наѣлась желудей досы́та, доотвала. Крыловъ, Свинья подъ дубомъ.
Его плеча слегка дотро́нувшись рукой. Полонскій, Передъ закрытой цетиной.
Но только бы дро́гнула полночь кругомъ! Надсонъ, Мы спорили долго.
Иль та рука, что ставила, дрогну́ла? Случевскій, Я поставилъ свѣчу...
Хоть за-живо ложись въ могилу,—
Онъ не дрогнётъ. Никитинъ, Кулакъ, IX.
Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая дѣвица. Пушкинъ, Бова.
Скачетъ къ дѣвицѣ на свадьбу
Удало́й женихъ. Полонскій, Зимняя невѣста.
Взошли двѣнадцать молодцо́въ,
И съ ними голубица
Красавица-дѣви́ца. Пушкинъ, Женихъ.
Какъ косо на мужчинъ дѣви́ца ни глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ. Крыловъ, Разборчивая невѣста.
Такой нарядъ
Не дѣвичьей назначенъ головѣ. Жуковскій, Орлеанская дѣва.
Думы дѣвичьи завѣтныя.

---

*) Сравните еще старинное до́бычь, которое мы видимъ у В. Майкова (Елисей, изд. 1788 г., стр. 22, 67) и у Крылова:
Тогда-то онъ узналъ, что до́бычь не по немъ. Вороненокъ.

Гдѣ васъ всѣ-то угадать? Некрасовъ, Коробейники, V.
Вамъ, людямъ молодымъ, другого нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты. Грибоѣдовъ, Горе отъ ума.
Какъ ея дѣвичья
Жизнь проведена. Никитинъ, Жена ямщика.
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній дѣятельный жаръ. Пушкинъ, Полтава.
Взлелѣянный на лонѣ вдохновенья,
Съ дѣятельной и пылкою душой... Лермонтовъ, Къ другу.
Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
.. Когда имъ овладѣетъ лѣнь
И оживлять его дѣятельность не станетъ. Крыловъ, Прудъ и рѣка.
Докучнымъ ѐвнухомъ ты бродишь между музъ. Пушкинъ, Первое посланіе цензору.
И спитъ подкупленный евну́хъ. Пушкинъ. Стамбулъ гяуры нынче славятъ.
Во гнѣвѣ яромъ
Я египтя́нина убилъ. Вл. Соловьевъ. Неопалимая купина.
Возьми, египтя́нка, гитару.
Ударь по струнамъ, восклицай! Державинъ.
Египтя́нка поблѣднѣла... А. Майковъ, Гаданіе.
Ты долженъ быть отъявленный ерѐтикъ. А. Толстой, Донъ-Жуанъ.
Долой вѣнчанный ерети́къ. Языковъ. На памятникъ Карамзину.
И будешь утоленъ иль новый примешь видъ,
Чтобъ жа́ждать вновь. Полонскій, Передъ закрытой истиной.
Хоть жѐмчугъ находитъ близъ берега и можно... Крыловъ, Водолазы.
Брызги на шеѣ какъ жѐмчугъ дрожатъ. Лермонтовъ, Морская царевна.
Изукрась себя
Росы жѐмчугомъ. Никитинъ, Весна на степи.
А подаритъ невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчу́гъ. Пушкинъ, Женихъ.
Въ парчу и жемчу́гъ убрана,
Ждала она гостя. Лермонтовъ, Тамара.
Открылъ предъ нею дивныя каменья,
Сверкнувшія волшебнымъ блескомъ вдругъ: —
Рубины, брилліанты и жемчу́гъ. Буренинъ, Испытаніе женъ, XLI.
На глазахъ двѣ слезы—
И блестятъ, какъ жемчу́гъ. Ясинскій, Сонъ лилій.
Въ забы́тьи внемлетъ молчаливомъ. Никитинъ, Степная дорога.
И я, въ чудесномъ забы́тьи,
Движенья сковывалъ свои. Лермонтовъ, Люблю я цѣпи синихъ горъ.
И нашло на нее черезъ день забытьѐ. Измайловъ, Воеводина месть.
И не столько грязный, сколько загрязнѐнный.
Дворикъ нашъ снабженъ былъ сточною канавкой. Полонскій, Собаки.
Ты зáвѣсу расторгъ всесильною рукой. Тютчевъ. Колумбъ.
И упáла завѣса невѣдѣнья съ глазъ. Надсонъ, Позабытые шумнымъ ихъ кругомъ...
Вотъ ужъ запáсный амбаръ. Некрасовъ, Деревенскія новости.
И, тоскуя, обожгла
Запылѐнную листву. Фофановъ, Майскій шумъ.

Дружно, дѣти! всѣ з а р а́ з ъ:
Буки-азъ! буки-азъ! Курочкинъ, Урокъ.
Чтобъ солнце въ з а́ с у х у не выпивало рѣкъ. Случевскій, Двѣ молитвы.
Не нахожу з а т в е́ р ж е н н ы х ъ рѣчей. Пушкинъ, Борисъ Годуновъ.
Ея разсказовъ, мною з а т в е р ж о́ н н ы х ъ. Пушкинъ.
Огонь ли дальный домъ з а т р о́ н е т ъ,—
У нихъ ужъ дѣйствуетъ труба. Вяземскій, У страха глаза велики.
За кустомъ з а щ е л к а́ л ъ, зарыдалъ соловей. Ратгаузъ, Далеко, далеко...
З а щ ё л к а л ъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ. Крыловъ, Оселъ и соловей.
Идетъ-гудётъ з е л ё н ы й шумъ. Некрасовъ, Зеленый шумъ.
Въ з е л е н о́ м ъ болотѣ,
Стоя на часахъ,
Что вы стережете? (Народное). А. Толстой, Ой стоги, стоги.
И въ з е р к а л ь н ы х ъ водахъ являлъ весь станъ и рощи. Батюшковъ, Воспоминаніе.
И вьются дикіе орлы,
Крича, надъ з е́ р к а л ь н о й пучиной. Лермонтовъ, Олегъ.
Слышишь—въ селѣ, за рѣкою з е р к а́ л ь н о й,
Глухо разносится звонъ погребальный. Надсонъ, Похороны.
Помолимся о нашемъ государѣ,
Объ и́ з б р а н н о м ъ тобой, благочестивомъ. Пушкинъ, Борисъ Годуновъ.
Допрашивать царей, царей законныхъ,
Назначенныхъ, и з б р а́ н н ы х ъ всенародно... Пушкинъ, Борисъ Годуновъ.
Летай игривыми перстами,
Какъ вешній з е́ ф и р ъ по цвѣтамъ. Пушкинъ, Къ Батюшкову.
Ночной з е ф и́ р ъ
Струитъ эфиръ. Пушкинъ, Испанскій романсъ.
Я слышала, что ты досужій з н а́ х а р ь. Мей, Царская невѣста.
З н а́ х а р к а въ нашемъ живетъ околоткѣ. Некрасовъ, Знахарка.
(Самоваръ) Блеститъ какъ з о́ л о т ц е кругомъ. Никитинъ, Кулакъ.
О святкахъ дѣвушки хоронятъ з о л о т ц о́. Аблесимовъ, Сказка.
Да китаечки конецъ,
Да з о л о́ ч е н ы й вѣнецъ. Кольцовъ, Женитьба Павла.
По шкафамъ пышнымъ, расцвѣченымъ
И по карнизамъ з о л о ч ё н ы м ъ
Онъ паутину разостлалъ. Крыловъ, Подагра и паукъ.
Перстами, легкими какъ сонъ,
Моихъ з ѣ н и́ ц ъ коснулся онъ. Пушкинъ, Пророкъ.
Два или три между нихъ
И́ з д а в н а крѣпко внѣдрились. Случевскій, Вдоль безконечнаго луга.
И з д а́ в н а умыселъ ужасный
Взлелѣялъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей. Пушкинъ, Полтава, I.
Зане твоихъ и з д а́ в н а
Мы любимъ дочерей. А. Толстой, Сватовство.
Подъ вѣтвями темными
И́ з д а в н а́ проложены. Случевскій, Шли путемъ невѣдомымъ.
Народъ, и з д а л ё к а ихъ поѣздъ узнавъ,
Столпился на бе́регъ. А. Толстой, Пѣсня о походѣ Владимира.

Вотъ поднялись и з д а л е к а
Грядою длинной облака. Никитинъ, Степная дорога.
И только скальды лишь могли
Смотрѣть на дѣву и з д а л и. Лермонтовъ. Жена сѣвера.
И з д а л и онъ былъ весь золотой. Буренинъ. Сонъ Евгенія Арама.
И л и, можетъ, ты дворовый
Й з ъ отпущенныхъ? Некрасовъ, Школьникъ.
И л и, въ минуту наступленья,
Въ жару сердечнаго волненья,
Я обнималъ одну мечту? Кольцовъ, Мой другъ, мой ангелъ милый.
И л и хмеленъ не въ мѣру? А. Толстой, Князь Михайло Репнинъ.
Онъ мыслилъ и н а к о и инакъ разсуждалъ. В. Майковъ, Елисей, 46.
Н о гуси и н а ч е объ этомъ толковали. Крыловъ, Гуси.
Й н а ч е нельзя мнѣ
Видѣться съ тобою. Полонскій. Татарскія пѣсни.
Но Богъ рѣшилъ и н а ч е. Жуковскій, Капитанъ Боппъ.
И н а ч е на людей не отыскать управы. Случевскій, Подражаніе Апокалипсису.
Въ косматой рысьей шапкѣ, съ пукомъ
К а л ё н ы х ъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ. Пушкинъ, Конрадъ Валленродъ.
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы к а л е н ы я,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ. Пушкинъ, На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа.
Понотчую я к а л е н о ю стрѣлой. А. Толстой, Змѣй Тугаринъ.
Безцѣнны перстни, к а м е ш к и. Державинъ.
То берегомъ рѣки
Бѣгу, бросая к а м е ш к и. Некрасовъ, На Волгѣ.
Кинжалы, к а н а у с ъ, бумажные платки... Полонскій, Прогулка по Тифлису.
Свершается заслуженная к а р а... Тютчевъ.
И грозно племя ихъ въ одинъ народъ сольется,
И страшною к а р о й падетъ на Мусульманъ. Никитинъ, Новая борьба.
Который, опершись на к а ѳ е д р у, стоитъ. Батюшковъ, Странствователь и домосѣдъ.
Вотъ съ рѣзной к а ѳ е д р ы грозно
Держитъ рѣчь къ толпѣ монахъ. А. Майковъ. Неаполитанскій альбомъ, XI.
Смотри-ка, к в а к у ш к а, что, буду ль я съ него. Крыловъ. Лягушка и волъ.
Бѣлѣли снѣжныя вершины
Надъ лѣсомъ к е д р о в ы м ъ густымъ. А. Толстой, Іоаннъ Дамаскинъ, III.
На брачный день хранилъ ковчегъ к е д р о в ы й. Гнѣдичъ, Тарентинская дѣва.
Тишина вокругъ,
Какъ на к л а д б и щ ѣ. Никитинъ, Весна на степи.
На к л а д б и щ ѣ огромномъ
Нѣмая тишина... Ясинскій, Въ лѣтнюю ночь.
Друзья, о! дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно к л а д б и щ е. Батюшковъ, Умирающій Тассъ.

То кладбище наше родовое. Пушкинъ, Марко Якубовичъ.
Въ гробѣ на кладбище
Старика снесутъ. Никитинъ, Тишина ночи.
Дыша, я чувствую, что здѣсь земля -кладбище. Полонскій, Въ Имеретіи.
Болтаютъ нарядныя дамы,
Но рѣчи не клёятся ихъ. Апухтинъ, 'A la pointe.
Какъ ни вязка ихъ голова,
А мысли въ ней клеятся худо,
И расклеились всѣ слова. Вяземскій, Замѣтки.
Булатной сабли острый клинокъ
Заброшенъ былъ въ желѣзный хламъ. Крыловъ, Булатъ.
Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ:
Клинóкъ надежный безъ порока. Лермонтовъ, Поэтъ.
Съ золотыми стременами
Княжій аргамакъ. Фетъ, Легенда.
Ты, чай, объ усобицѣ слышалъ княжóй. А. Толстой, Чужое горе.
Въ тотъ же день сталъ княжить онъ. Пушкинъ, Сказка о царѣ Салтанѣ.
И сталъ княжи́ть онъ сильно;
Княжилъ семнадцать лѣтъ. А. Толстой, Русская исторія отъ Гостомысла.
У насъ былъ директоръ дороги,
Кондýкторамъ красть не давалъ. Некрасовъ, Современники.
Жучка призатихла въ теплой конурѣ́. Мей, Хозяинъ.
Собака сладко спитъ у конуры́. Щепкина, Шантеклеръ.
Онъ въ собственномъ домѣ пришелецъ,
Занявшій въ конýрѣ ночлегъ. Некрасовъ, Секретъ.
Въ чужихъ краяхъ
Корóтать вѣкъ. Кольцовъ, Два прощанія.
Кто, крóмѣ насъ, владѣть отважился вселенной. Державинъ.
Скромна, а ничего кромѣ́
Проказъ и вѣтру на умѣ. Грибоѣдовъ, Горе отъ ума.
И не даритъ намъ ничего, кромѣ́ рожденья. Лермонтовъ, Ночь II.
Ему ль оспаривать тотъ лáвровый вѣнецъ,
Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ пѣвецъ. Пушкинъ, Къ Жуковскому.
Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лаврóвый. Пушкинъ, Второе посланіе цензору.
И шумной пѣной орошалъ
Ледя́ный сводъ. Пушкинъ, Обвалъ.
Ледяную встрѣчаю руку
Моей пылающей рукой. Лермонтовъ, Разлука.
Слезой и сердцемъ ледяны́мъ...
Обманутъ былъ онъ. Лермонтовъ, Измаилъ Бэй, 3, X.
Въ алмазахъ вся и въ иглахъ ледяны́хъ. Голенищевъ-Кутузовъ, Зимой.
Ихъ привлекаетъ лезвіё
Кинжала, ратные уборы;
Но взглядъ послѣдній на нее
Былъ устремленъ. Лермонтовъ, Измаилъ-Бэй, 1, XXVII.

Вылъ буйный вѣтеръ; дождь ливнёмъ лился. Никитинъ, Кулакъ, XV.
Что ты клонишь надъ водами,
Ива, мáкушку свою? Тютчевъ.
Пышныя гнутся макýшки,
Млѣя въ весеннемъ соку. Фетъ. Кукушка.
Онъ двигался какъ мáшина нѣмая. А. Майковъ. Машенька, I. 3.
Среди машйнъ, ретортъ, моделей кораблей,
У пыльнаго станка съ начатой мозайкой...
Сидѣлъ онъ. Полонскій, Хандра и сонъ М. В. Ломоносова.
И, мѐжду прочимъ, говорилъ мнѣ. Полонскій, Магометъ.
Междý колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь. Пушкинъ, Цыганы.
Что жизни мѐлочные сны,
И стонъ, и слезы бѣдной дѣвы
Для гостя райской стороны? Лермонтовъ, Демонъ. XV. (Съ такимъ ударенiемъ напечатано въ изданiи Ефремова).
Притѣснять хочетъ мѐньшую братью. А. Толстой, Потокъ-богатырь.
По' праву руку братъ меньшóй. Пушкинъ, Женихъ.
Скинь мантилью, ангелъ мйлый... Пушкинъ, Испанскій романсъ.
Дѣвѣ — смѣхъ тоска милова. Лермонтовъ, Два сокола.
Три вѣка мйнуло. Полонскій, Шекспиру.
Пускай пройдетъ за вѣкомъ вѣкъ,
Тысячелѣтья мйнутъ даже. Ратгаузъ, Мой другъ любимый.
Еще минýлъ годокъ. Крыловъ, Разборчивая невѣста.
Ночь минётъ, — быть можетъ,
Христа-ради ей
Кто-нибудь поможетъ. Никитинъ, Тишина ночи.
(Онъ) Не произнесъ послѣдняго обѣта,
И въ этомъ смыслѣ есть еще мiрянинъ. А. Толстой, Донъ-Жуанъ.
Изъ ложъ кругомъ сіяютъ жены
Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
Въ алмазахъ, въ млéчныхъ жемчугáхъ. А. Майковъ. Клермонтскій соборъ.
И кустъ прелестныхъ розъ, взлелѣянныхъ весной,
Тамъ нѣкогда кругомъ черемухи млечнóй
Струилъ свой ароматъ. Лермонтовъ. Цѣвница.
У пыльнаго станка съ начатой мозайкой. Полонскій, Хандра и сонъ М. В. Ломоносова.
Полно, полно, добрый мóлодецъ,
Бранью на-вѣтеръ кидатися. (Народное). А. Толстой, Ужъ ты, мать тоска.
Если мóлодца въ свой теремъ
Ждетъ краса-подрýга. Никитинъ, Пѣсня.
Захочешь потѣшить порой молодцá. Никитинъ, Ночлегъ извощиковъ.
Я слышу чистыхъ сестръ музйку. Ломоносовъ, Ода... на взятіе Хотина 1739 года.
Или музйкой и пѣвцами,...
И пляской веселю мой духъ. Державинъ, Фелица.
Одушеви мое музйкой пѣснопѣнье. Батюшковъ, Посланіе Г. В--му.
Пусть царь и тѣшится музйкою твоей! Жуковскій. Соколъ и Филомела.

Молчитъ м у з ы́ к а боевая. Пушкинъ, Полтава, III *).
Какъ можно м у́ з ы к и на балѣ не имѣть?
Однакожъ я тотчасъ ихъ сдѣлаю съ м у з ы́ к о й. Крыловъ. Рыбьи пляски (варіантъ).
М у з ы́ к и бальной слышны восклицанья. Тютчевъ, Ночные голоса.
Гудитъ м у з ы́ к а полковая. Лермонтовъ. Валерикъ.
Напрасно людный балъ
Волнуется подъ громъ веселья и м у з ы́ к и! Голенищевъ-Кутузовъ, Въ туманѣ. III.
У подножья скалъ прибрежныхъ подъ м у з ы́ к у звучныхъ водъ
При лунѣ они плясали. Е. Бекетова, Карлики острова Рюгена.
Зачѣмъ здоровѣе ты струнъ не припасъ?
Какъ буду теперь безъ м у з ы́ к и? А. Толстой, Садко, строфа 47.
(У Толстого, можетъ быть, по вліянію малороссійскаго народнаго языка).

Сравните старинныя пословицы изъ сборника П. К. Симони. (Выпускъ I, Спб., 1899):
Замолка м у з ы́ к а, какъ червь до языка.— М у з ы́ к а безъ язы́ка, два тонца безъ конца.—Перестанетъ м у з ы́ к а, какъ червь до язы́ка. (Здѣсь ударенія поставлены мною, но они вполнѣ опредѣляются размѣромъ).
Я приближаюся къ м ѣ т ѣ́ сей неизбѣжной. Батюшковъ. Гезіодъ и Омиръ соперники.
И что бъ уразумѣть я могъ
Черезъ м ы ш л е́ н і е и годы. Лермонтовъ, Н. Ф. И....вой.
Міръ обновили мы силой м ы ш л е́ н і я. А. Толстой, Противъ теченія.
Н а е д и н ѣ́ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть. Лермонтовъ, Завѣщаніе.
Хлѣбъ слаще н а́ ж и т ы й трудомъ. Крыловъ, Крестьянинъ и змѣя.
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной н а к о в а́ л ь н и. Пушкинъ, Цыганы.
Онъ н а́ ч и с т о отгрызъ ей хвостъ. Крыловъ, Лиса.
Мы передъ нимъ н е д в и́ ж и м о стояли. Пушкинъ, Борисъ Годуновъ.
Н е д в и ж и́ м о, притаивъ дыханье,...
Всѣ внимали трепетно кругомъ. К. Р., Севастіанъ-мученикъ, XV.
Схватясь за н о́ ж н ы палаша,
Кричитъ... Лермонтовъ, Петергофскій праздникъ.
Н о ж н ы́ кинжала, пистолеть
Блестятъ насѣчкой небогатой. Лермонтовъ, Измаилъ Бэй. 1, XII.
Боль жгучихъ н е́ д у г о в ъ и ранъ
Ее терзаетъ, какъ бывало. Буренинъ, Ролла, I.
И н е д у́ г ъ тяжелый сбросить
Я не въ силахъ съ плечъ моихъ. Буренинъ, Разговоръ.
Къ довольству суетному зависть,
Быть можетъ, личная н е н а́ в и с т ь... Некрасовъ, Несчастные. 2.
Н е у́ ж е л и назадъ
Идти? Полонскій, Прогулка по Тифлису.

*) У Пушкина только о д и н ъ р а з ъ въ стихотвореніяхъ встрѣчается „м у́ з ы к а" (проф. Е. Ө. Будде):

Ихъ м у́ з ы к о й сердечны муки
Усыплены... Альбомъ Онѣгина, 7.

Неужѐли сейчасъ только бархатный лугъ
Трепеталъ позолотой полдневныхъ лучей? Надсонъ.
Тѣ-ль обозы бить низо́вые купецкіе. А. Толстой, Ушкуйникъ.
А между тѣмъ все дочь растетъ
И ну́жды съ нею подрастаютъ. Батюшковъ, Посланіе къ Т—ву.
И знать вамъ также нѣту ну́жды,
Гдѣ я. Лермонтовъ, Валерикъ.
Хоть не-любо, не весело,
Да свыкнешься съ нуждо́й. Никитинъ, Гнѣздо ласточки.
Онъ никогда бы не постигъ,
Какъ можно жизнь влачить съ нуждо́ю. Буренинъ, Ролла, II
Такъ облачко́
По небу мчится
Свѣтло, легко. Лермонтовъ, Забудь опять...
Чтобъ въ трудный часъ ихъ пѣсней ободри́ть. Надсонъ. Я чувствую и силы, и стремленье.
Я подняль голову, я ободри́лся духомъ. Голенищевъ-Кутузовъ, А. Н. Майкову.
Да, онъ хорошъ, колоссъ съ энергіей желѣзной,
Обо́рванецъ, нуждѝ могучій братъ. Буренинъ, Популярность.
Дай мнѣ надеждъ невозможныхъ чертогами
Скрашивать жизни обы́денный строй. Случевскій. Дай мнѣ минувшихъ годовъ увлеченія.
Вся горечь жизни обыдённой.
Все, что язвитъ и мучитъ насъ... Никитинъ, Кулакъ, XIII.
Окрова́вленный (Примѣръ см. при словѣ пята).
Голгоѳѣ передалъ Іуда
Окровавлённаго Христа. Фетъ, 1 марта 1881 года.
Опро́метью вбѣжали.
Мы вздрогнули, вы въ обморокъ упали. Грибоѣдовъ, Горе отъ ума.
Серебромъ отливаютъ колонны,
Орнаме́нты воротъ и мостовъ. Некрасовъ, Кому холодно, кому жарко,
Склонясь зелеными вѣтвями.
Осо́ка дремлетъ надъ прудомъ. Надсонъ, Кругомъ легли ночныя тѣни.
Сѣдящъ, увѣнчанъ осоко́ю...
Прекрасный вижу я источникъ. Державинъ.
Осоко́й (риѳма: слѣпой)
Тому, кому ловить, завязывались глазки. Жуковскій, Сурки и кротъ.
Виднѣются въ душѣ лишь о́стовы надеждъ. Случевскій, Въ душѣ моей свѣтлый миръ.
Очнувшись, я себя увидѣлъ посреди
Разбросанныхъ остбовъ. Жуковскій, Странствующій жидъ.
Отста́лыхъ старцевъ, женъ недужныхъ
Бичомъ стегали по ногамъ. А. Майковъ, Клермонтскій соборъ.
Отстало́й онъ, то видно по платью. А. Толстой, Потокъ-богатырь.
Не бархатный кафтанъ, не парчёвый. Пушкинъ, Видѣніе короля.
Повсюду ткани парчевы́я. Пушкинъ, Русланъ и Людмила, II.
Въ ладьяхъ отовсюду къ шатрамъ парчевы́мъ
Причалили вѣщіе скальды. А. Толстой, Пѣсня о Гаральдѣ.
Изъ дому па́спортовъ не взяли мы. Никитинъ, Мертвое тѣло.
Надышавшись классической пылью

Въ Петербургѣ, п а с п о́ р т ъ мы беремъ
И чихать уѣзжаемъ въ Севилью. Некрасовъ, Кому холодно, кому жарко.
Однажды написалъ я съ дуру,
Что видѣлъ на мосту дыру,
П е р е п о л о́ ш и л ъ всю цензуру... Некрасовъ, Фельетонная букашка.
Ухъ, я точнехонько избавилась отъ п е́ т л и. Грибоѣдовъ, Горе отъ ума.
Но -поданъ знакъ, и дверь визгливо
На ржавыхъ подалась п е т л я́ х ъ. Надсонъ, Христіанка, IV.
Когда, перескочивъ чрезъ новый п л е т е́ н ь,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день. А. Майковъ. Нива.
Подъ розами даже не видно,
Чье имя п л и т а́ возглашаетъ. А. Майковъ, Вотъ бѣдная чья-то могила.
Ты горами поднялась до п о д н е́ б е с ь я. А. Толстой, Правда.
Потомъ вернулись мы; я внизъ, ты въ п о д н е б е́ с ь е. А. Толстой, Донъ-Жуанъ.
Пугаетъ ихъ онъ,
Какъ въ п о́ л н о ч ь набата погибельный звонъ. Голенищевъ-Кутузовъ, Лѣсъ.
Но вотъ п о л н о́ ч ь свинцовый свой покровъ
По сводамъ неба распустила. Лермонтовъ, Наполеонъ.
Во льдахъ заточила и держитъ въ плѣну
П о л н о́ ч и сѣдая Царица. Голенищевъ-Кутузовъ, Сѣверная легенда.
Скачутъ, п о р с к а́ ю т ъ и травятъ безъ счету. Некрасовъ, Псовая охота.
Они средь моей, средь зеленой красы
П о р с к а́ ю т ъ, свой ловъ продолжая. А. Толстой, Слѣпой.
Вдругъ что-то п о́ р х н у л о въ окно. Тютчевъ, Вчера въ мечтахъ обвороженныхъ.
Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей
В с п о р х н у́ л ъ и—полетѣлъ за тридевять полей. Крыловъ, Оселъ и соловей.
О, не спѣшите в с п о р х н у́ т ь! К. Р., Счастье-жь твоимъ голубямъ.
Ихъ поетъ п о с е л я́ н и н ъ, трудясь за сохой. Надсонъ, Олафъ и Эстрильда.
Лишь простучитъ на консульскомъ пути
По гладкимъ плитамъ конь п о с е л я н и́ н а. А. Майковъ, Campagna di Roma.
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ п о ч т о́ в о й прозѣ не привыкъ. Пушкинъ, Евгеній Онѣгинъ, гл. 3, XXVI.
На долгихъ иль на п о ч т о в ы́ х ъ
Тяните́сь изъ заставъ градскихъ. Пушкинъ, Тамъ-же, 7, IV.
(Проѣзжій) Летитъ на тройкѣ п о ч т о в о́ й. Лермонтовъ, Преступникъ.
И холодны онѣ, какъ при лунѣ
Намъ кажется п р а б а́ б у ш к и портретъ. Лермонтовъ, Булеваръ.
Здѣсь все питаетъ вдохновенье:
Простые нравы п р а о т ц о́ в ъ,
Святая къ родинѣ любовь... Батюшковъ, Переходъ черезъ Рейнъ.
Предметъ вражды неистовой,
П р е д а́ н н о с т и слѣпой! Тютчевъ, Наполеонъ (Изъ Манцони).

Потомъ къ царю подползть съ преданностью дерзнули. Крыловъ, Лягушки, просящія царя.

Бахрамой, кисеей
Принаряжена. Кольцовъ, Крестьянская пирушка.
Тебѣ не простили бъ твой плѣнъ и позоръ,
Въ ихъ крикахъ ты слышалъ бы только проклятья,
Въ ихъ взорахъ читалъ бы себѣ приговоръ. Allegro, Орелъ.
Да смягчится небесъ приговоръ! Измайловъ, Небеса мои ясны.
Въ богатствѣ ли щастіе? Въ немъ призракъ, тщетный видъ! Батюшковъ, Тибуллова элегія III.
На потолкѣ какой-то призракъ бродитъ. Пушкинъ, Сонъ.
Призракъ. Державинъ, Цѣленіе Саула.
И тихо, какъ призракъ, какъ лучь отъ неба ясный,
Спущусь на берега пологіе Двины. Батюшковъ, Посланіе Г. В—му.
Богатыря призракъ огромный
Пугалъ пустынныхъ рыбаковъ. Пушкинъ, Русланъ и Людмила. II.
Все тише, и призракъ бѣжитъ. Лермонтовъ, Поэтъ.
Все подъ носомъ ловилъ далекій онъ призракъ. А. Толстой, Донъ-Жуанъ.

Это тиснуть мы могли бъ,
Но вѣдь это посягаетъ
На родительскій принципъ! Некрасовъ, Осторожность *).
Проклятый городъ Кишиневъ. Пушкинъ, Письмо Вигелю.
Все, проклятое въ цвѣтѣ лѣтъ,
Я предалъ полному забвенью. Полонскій. Современная идиллія.
Иль лѣсомъ проходилъ, по просѣкѣ тѣнистой. Надсонъ, Я приглядѣлся къ ней.
Для мысли добрей нѣтъ, и ей вездѣ просѣка. Случевскій, Неуловимое.
Какъ устоять противъ судьбы? Полонскій. Весталка
Смотри, какъ всѣ усилія людей
Противъ себя я презираю. Крыловъ, Пожаръ и алмазъ.
Хоть противъ твоего мой блескъ и бѣденъ... Крыловъ, Пожаръ и алмазъ.
Некуда спрыгнуть съ сѣдла. Полонскій. Горная дорога въ Грузіи.
Перепрыгнулъ безъ оглядки
Изъ своей ладьи въ чужую. А. Толстой, Боривой.
Прыгнулъ скачкомъ отчаяннымъ стремглавъ. Буренинъ, Левъ.
Но если такъ, то я загадка
Для психолога. Жемчужниковъ, Тяжелое признаніе.
Что потеряла ты? Льстецовъ бездушный рой,
Пугалищей ума, достоинства и нравовъ. Батюшковъ, Въ день рожденія N.

*) Это, какъ видно изъ слѣдующей замѣтки Тургенева, болѣе старое произношеніе, на французскій ладъ. „Мы, люди стараго вѣка, мы полагаемъ, что безъ принсиповъ (Павелъ Петровичъ выговаривалъ это слово мягко, на французскій манеръ. Аркадій, напротивъ, произносилъ „прйнципъ“, налегая на первый слогъ), безъ принсиповъ принятыхъ, дакъ ты говоришь, на вѣру, шагу ступить, дохнуть нельзя“. Отцы и дѣти, изд. Маркса, стр. 24.

Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ п у х о в ы й. Пушкинъ, Евгеній Онѣгинъ 2, III.
На мягкой п у х о в о й постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя. Лермонтовъ, Тамара.
Лежитъ несчастная дѣвица
Среди подушекъ п у х о в ы х ъ. Пушкинъ, Русланъ и Людмила, II.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво п ѣ н ь е? Крыловъ, Парнасъ.
Какъ быть, и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобъ отъ п ѣ н ь я его отвадить. Крыловъ, Откупщикъ и сапожникъ.
И танцамъ, и п ѣ н ь ю, и нѣжностямъ, и вздохамъ. Грибоѣдовъ, Горе отъ ума.
Я былъ верхомъ: онъ слѣдовалъ п ѣ ш о й. А. Толстой, Драконъ, 27.
Съ окровавленной п я т о й
Онъ за ними идетъ и хромаетъ. А. Толстой, Волки.
Какъ подъ незримою п я т о й
Лѣсные гнутся исполины! Тютчевъ, Какъ веселъ грохотъ...
И подъ п я т о й у супостата
Лежатъ ихъ головы въ пыли. Лермонтовъ, Бѣглецъ.
П о р а б о т а т ь руки чешутся. Некрасовъ, Дума.
Червякъ на яблоню, и р а б о т а т ь пустился. Крыловъ, Мальчикъ и червякъ.
Все сосѣди твои
Р а б о т а ю т ъ давно. Кольцовъ, Что ты спишь, мужичокъ.
Да за то, какъ станутъ
Въ полѣ р а б о т а т ь... Никитинъ, Жена ямщика.
Едва ль не первый ты заговорилъ
О р а в е н с т в ѣ, о братствѣ, о свободѣ. Некрасовъ, Медвѣжья охота.
Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись, провозгласилъ р а в е н с т в о. Пушкинъ, Андрей Шенье.
Что въ дружбѣ и любви р а в е н с т в о вещь святая. Крыловъ, Котелъ и горшокъ (варіантъ).
И тѣмъ ввести р а в е н с т в о. А. Толстой, Порой веселой мая.
Плечъ не рѣжетъ р е м е ш о к ъ. Некрасовъ, Коробейники, I.
Р е т и в ы й конь—потѣха тоже. Пушкинъ, Полтава.
Послушай, р е т и в о й и вѣрный конь, меня. Крыловъ, Рыцарь.
Вдругъ съ р о з м а х у на двухъ животныхъ набѣжалъ. Дмитріевъ, Пѣтухъ, котъ и мышенокъ.
Пускай булатъ въ рукѣ съ р а з м а х а
Изломится какъ прутъ гнилой. Батюшковъ, Разлука.
Да какъ хватитъ сосѣда съ р а з м а х у въ високъ. Никитинъ, Ссора.
Съ камня на камень сбѣгаетъ, пробивъ глубокое р у с л о,
Рѣзвый ручей. Пушкинъ, Въ рощахъ карійскихъ.
Какъ рѣчки быстрое р у с л о,
Не устаетъ мое весло. Лермонтовъ, Венеція.
Чертой изогнутой легло
Предъ нимъ Кедронскаго потока
Давно безводное р у с л о. А. Толстой, Іоаннъ Дамаскинъ, III.
Старый р ы б а р ь бородатый
Колотилъ дырявый челнъ. Майковъ, Кто онъ? (варіантъ).

Лишь изрѣдка рыбáрь къ товарищамъ взываетъ. Батюшковъ, На развалинахъ замка въ Швеціи.

Рѣзьбóй дивною и златомъ
Колесница вся горитъ. Батюшковъ, Счастливецъ.
Блестѣлъ рѣзьбóю кипарисъ. Буренинъ, Грѣшница.
Ничего: песъ ря́бый ходитъ,
Вотъ и сѣрый у воротъ. Фетъ, Ночь крещенская морозна.
Священникъ, старичокъ больной,
И дьяконъ, тучный и рябóй. Никитинъ, Кулакъ, XVI.
Заступъ садóвый и серпъ полукруглый. А. Майковъ, Пріапу.
И цынцырны стрекотанье
За оградой садовóй. Полонскій, Ночь въ Крыму.
Плечи—косая сажéнь. Некрасовъ, Въ деревнѣ.
Несутъ за спящимъ старикомъ
И тирсъ, символъ побѣды мирной... Пушкинъ, Торжество Вакха.
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, симвóлъ святой. Лермонтовъ, Вѣтка Палестины.
Подъ вашей тайною скрывается скелетъ,
Уничтоженія всего симвóлъ нетлѣнный. Полонскій, Передъ закрытой ветиной.
...Что у него должна быть симпатíя съ нами,
Высокородными мышами. Дмитріевъ, Пѣтухъ, котъ и мышенокъ.
Буду сѣчь я мраморъ бѣлый
У скульптóра въ мастерской. А. Майковъ, Lorenzo.
И не одинъ ужъ рядъ именъ
Въ синóдикъ скорбный занесенъ. Случевскій, На судоговореньѣ.
А у тебя скатнóго жемчугу (на сколько)? А. Толстой, Посадникъ.
Когда-то въ слýчай слонъ попалъ у льва. Крыловъ, Слонъ въ случаѣ.
Иль послѣ на себя ропщи, не на случáй. Крыловъ, Охотникъ.
На болотѣ застынувшемъ ледъ
И прозраченъ, и тонокъ, какъ слюдá. Жемчужниковъ, Первый снѣгъ...
Снигúрь примолвилъ ей. В. Пушкинъ, Соловей и малиновка.
Надъ мрачнымъ ельникомъ проснулася заря,
Но яркости ея не радовались птицы:
Однообразный свистъ лишь слышенъ снигиря́... Фетъ, Старый паркъ.
Ну, что скажу тебѣ я спрóсту?
Мнѣ не съ-руки хвала и честь:
Дай Богъ тебѣ побольше росту... Лермонтовъ, Ребенку.
Савося хохочетъ: „попался спростá“! Некрасовъ, Крестьянскія дѣти.
Голубку сóколъ драль въ когтяхъ. Жуковскій, Соколъ и голубка.
Явился гость,—и ты не радъ,
И я, сокóлъ, не виноватъ. Никитинъ, Кулакъ, XVIII.
Ужъ нѣшто ты намъ и старшóй? (Народное). А. Толстой, Богатырь.
Да, это стáтуя: склонясь
Надъ гробовой моей плитою,
Она уснула въ скорбный часъ. Буренинъ, Розка, V.
Изъ-за темно-зеленыхъ вѣтвей
Подымалась статýя. Полонскій, Статуя.
Когда студёный ключъ играетъ по оврагу. Лермонтовъ, Когда волнуется желтѣющая нива.
Не придетъ ли онъ, ненаглядный мой,
Напоить коня студенóй водой. (Народное). А. Толстой, Кабы знала я.

Ужъ с у́ д н о зритъ въ моряхъ далеко. Державинъ, Фонарь.
И вмѣстѣ всѣ они—коротенькая сходня
Съ с у д н а́ житейскаго въ пучину вѣчныхъ сновъ. Ратгаузъ, Сегодня как ъ вчера.
С ч а с т л и́ в ъ, кто на чредѣ трудится знаменитой. Крыловъ, Орелъ и пчела.
Ты, стало, с ч а́ с т л и в о живешь? Крыловъ, Откупщикъ и сапожникъ.
Младенецъ щ а́ с т л и в ы й, уже любимецъ Феба,
Онъ съ жадностью взиралъ на свѣтъ лазурный неба. Батюшковъ, Посланіе И. М. М. А.
И с ч а́ с т л и в ы й самимъ собою,
Не жажду горы серебра. Пушкинъ, Посланіе къ Юдину.
Обиліемъ поля щ а с т л и́ в ы я дарятъ. Батюшковъ, Посланіе И. М. М. А.
С ч а с т л и́ в ы й селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный. Пушкинъ, На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году.
И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
Его с ѣ д и́ н ы опозорить! Пушкинъ, Полтава, I.
Безцвѣтныя приглажены с ѣ д и́ н ы. Ясинскій, Портретъ.
Порой обманчива бываетъ с ѣ д и н а́. Лермонтовъ, Къ портрету стараго гусара.
Шляпу онъ снялъ съ головы, с ѣ д и н о́ й серебристой покрытой. Никитинъ, Вечеръ послѣ дождя.
Приблизьте знакъ любви, сей т а́ и н с т в е н н ы й крестъ. Батюшковъ, Умирающій Тассъ.
Въ немъ т а й н с т в е н н а я сила. Пушкинъ, Талисманъ.
Т а н ц о́ в щ и ц у держалъ. Грибоѣдовъ, Горе отъ ума.
Любилъ т а н ц о́ в щ и ц ъ. Плещеевъ, Мой знакомый.
Свѣтлѣе твой вѣнецъ т е р н о́ в ы й
Побѣдоноснаго вѣнца! Некрасовъ, Тишина.
Избіенъ, покрытый кровію,
Вѣнчанъ т е́ р н о в ы м ъ вѣнцомъ. А. Толстой, Іоаннъ Дамаскинъ, X.
Васъ этотъ т и́ т у л ъ только свяжетъ. Лермонтовъ, Г. Павлову.
Двѣ щепки поднялъ на дворѣ
И отдалъ въ кухню на т о п л и́ в о. Никитинъ, Кулакъ, XII.
Вотъ закипитъ, вотъ т о́ т ч а с ъ загорится! Крыловъ, Синица.
Когда жъ намѣренъ ты правленье мнѣ вручить,
То я т о т ч а́ с ъ начну звѣрей учить
Вить гнѣзды. Крыловъ, Воспитаніе льва.
На мѣсяцъ взглянь: весь день, какъ облакъ т о́ щ і й,
Онъ въ небесахъ едва не изнемогъ. Тютчевъ, Ты зналъ его...
Ковь т о щ о́ й, сухопарый, замученный... (Народное). Измайловъ, Старый воевода.
Повсюду гость среди людей,
Вездѣ за т р а́ п е з о й чужою. Батюшковъ, Странствователь и домосѣдъ.
Тѣснясь за т р а́ п е з о й великой,
Гостей пируетъ шумный хоръ. А. Толстой, Грѣшница.
Т р а п е́ з ъ холодныхъ полумгла,
Гробницъ печальныхъ изваянья. Буренинъ, Рома, IV.
Любовью нѣжной т р о́ н у т ь ваше сердце. Пушкинъ, Каменный гость.
Онъ—къ мѣшкамъ—скорѣе т р о́ н у т ь

Тотъ металлъ, которымъ взоры
Такъ давно не любовались. Мей, Фирдуси.
Но, знать, рыдванъ былъ плотно нагруженъ,
Что лошади, хотя его *тронýли*,
Но въ-гору по песку едва-едва тянули. Крыловъ, Муха и дорожные.
Тронýлася лошадка съ возомъ въ путь. Крыловъ, Обозъ.
Тронйсь же скорбною мольбою
И мирный сонъ намъ ниспошли. Плещеевъ, „Ave, Maria“!
Ужъ вскачу въ сѣдло, захвачу *тýгой* лукъ. А. Толстой, Ужъ ты, мать тоска.
Ноги скорыя-то подкосятся,
И *тугóй* лукъ изъ рукъ выпадетъ. А. Толстой, Ужъ ты, мать тоска.
Здѣсь банкиры съ *тугйм*ъ кошелькомъ. Некрасовъ, Недавнее время. I.
На васъ вотъ *тулупйшко* рваный. Никитинъ, Кулакъ, XX.
Закинетъ *ýду*, глазъ не сводитъ съ поплавка. Крыловъ, Плотичка.
Взмахнетъ онъ *ýдой*. Тамъ же.
Рыбакъ, закинувъ
Свою *удý*, глядитъ на поплавокъ. А. Толстой, Посадникъ.
Межъ тѣмъ, какъ съ бережку лисица рядитъ, судитъ,
Кумъ рыбку *ýдитъ*. Крыловъ, Рыбьи пляски.
Съ ухватками *удáлыми*
Несутся ихъ ряды. А. Толстой, Ночь передъ приступомъ.
Съ поля битвы кабардинецъ,
Кабардинецъ *удалóй*. Лермонтовъ, Дары Терека.
И гордо на клячѣ гарцуетъ
Теперь богатырь *удалóй*. А. Толстой, Богатырь.
Съ толпою чадъ своихъ, оратай престарѣлый,
Опрѣсноки ему священны принесетъ,
А дѣвы красныя изъ *ýлья* чистый медъ. Батюшковъ, Тибуллова элегія XI.
Такъ пчелъ изъ лакомаго *ýлья*
На ниву шумный рой летитъ. Пушкинъ, Евгеній Онѣгинъ, V, 35.
И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ *ульй* пчелиный рой. Крыловъ, Ворона и курица.
Въ веселыи *ускóритъ* побѣгъ свой воздушный. Голенищевъ-Кутузовъ, Безвозвратный путь.
Я *ускорйлъ* Ѳеодора кончину. Пушкинъ, Борисъ Годуновъ.
(Рыбакъ) Въ хижину ввелъ *устáлаго* гостя. Жуковскій, Ундина, I.
На *усталы́хъ* коняхъ явился предъ крыльцомъ. Дмитріевъ.
И тонкій *филосóфъ*,
Мечтаетъ тамъ Крыловъ. Батюшковъ, Посланіе къ А. И. Т—ву.
Поэтъ, придворный *философъ*,
Вельможѣ знатному съ поклономъ
Подноситъ оду въ двѣсти строфъ. Пушкинъ, Князю А. М. Горчакову.
А *филосóфъ*
Безъ огурцовъ. Крыловъ, Огородникъ и философъ.
Пора съ *филóсофомъ* разстаться. Батюшковъ, Странствователь и домосѣдъ.
Не сниметъ колпака
Филóсофъ предъ Мидасомъ. Пушкинъ, Посланіе къ Галичу.
Какъ пасть морская разверзалась,

Глотая разрушенья х а́ о с ъ. Буренинъ, Исчезнувшій городъ.
Какъ будто умъ его, томясь, перегоралъ
Въ х а о́ с ѣ думъ нестройныхъ и печальныхъ. Полонскій, Передъ закрытой цѣпиной.
Безъ любви жизнь—х а о́ с ъ. Ратгаузъ, Если сердце мое...
Нѣмота передъ кончиною
Подобаетъ х р и с т і а́ н и н у. Некрасовъ, Орина, мать солдатская.
Молодой трибунъ-х р и с т і а н и́ н ъ,
Тамъ, въ саду цвѣтущемъ Адониса,
Въ эту ночь не спитъ одинъ. К. Р., Севастіанъ-мученикъ, X.
Косыхъ-то здѣсь много, да жаль что не х р о́ м ы х ъ,—
По мнѣ черезъ-чуръ они прытки.
Попробую, впрочемъ, я въ этого... Промахъ! Жемчужниковъ, Охота.
И синее море, и роскошь земли,
И ц в ѣ т н ы х ъ каменій начала. А. Толстой, Слѣпой.
Лягушки новое ч е л о б и т ь ё... Крыловъ, Лягушки, просящія царя.
Сраженье будетъ. Не солгу,
Ч е с т н о́ е слово дать могу. Пушкинъ, Евгеній Онѣгинъ, V, 38.
—Да, мнѣ дано ч е с т н о́ е слово,—
Разбитый голосъ отвѣчалъ. Никитинъ, Кулакъ, XIV.
Въ ч и́ с т о м ъ полѣ
Пасутся кони. Пушкинъ, Цыганы.
Много цвѣтиковъ во ч и с т о́ м ъ полѣ. А. Толстой, Ты не спрашивай.
И промежъ высокихъ горъ
Видитъ ш е́ л к о в ы й шатеръ. Пушкинъ, Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.
Носилъ онъ русскую рубашку,
Платокъ ш е л к о́ в ы й кушакомъ. Пушкинъ, Евгеній Онѣгинъ, 4, XXXVIII (варіантъ).
Расчесывать кольца ш е л к о́ в ы х ъ кудрей
Мы любимъ во мракѣ ночей. Лермонтовъ, Русалка.
Имъ сердце пронзаютъ
И вяжутъ ихъ нитью ш е л к о́ в о й. Вл. Соловьевъ, Умныя звѣзды.
Предъ нимъ ш и р о́ к о
Рѣка неслася. Пушкинъ, Мѣдный всадникъ.
И, разливаяся ш и р о́ к о,...
Тотъ свѣтъ, исшедшій отъ Востока,
Съ Востокомъ Западъ примирилъ. Вл. Соловьевъ, Ex oriente lux.
Ш и р о к о́ раскрытые вдаль глядятъ глаза. Ратгаузъ, Послѣдній аккордъ.
Орѣшки, знай-себѣ, щ е л к а́ ю т ъ да щ е л к а́ ю т ъ. Крыловъ, Бѣлка.
Мы не зажжемъ свѣчи,—горящіе дрова,
Щ е л к а́ я весело, дадутъ довольно свѣта. Ратгаузъ, Въ зимній вечеръ.
Подумаетъ: „браво!“
И пальцемъ щ е л к н ё т ъ. Никитинъ, Неудачная присуха.

§ 4. Относительно всѣхъ приведенныхъ нами выше примѣровъ прежде всего необходимо замѣтить, что указанныя въ нихъ колебанія въ удареніи ни сколько не приводятъ къ измѣненію въ значеніи словъ. Только въ такихъ случаяхъ мы и можемъ говорить о двоякомъ (или трояком) удареніи одного и того же слова. Во всѣхъ же другихъ слу-

чаяхъ, когда тожественныя по звукамъ, но различныя по ударенію, слова отличаются и по своему значенію, мы должны разсматривать ихъ, какъ особыя слова. Таковы, напримѣръ, заслу́женный выговоръ, гдѣ мы видимъ причастіе, и заслужённый профессоръ, гдѣ съ другимъ удареніемъ слово имѣетъ другое употребленіе и приближается къ прилагательному; также свóйство (особенность) у Крылова и свойствó (родство, общеніе) у Тютчева и т. п. Или, напримѣръ, ещё съ удареніемъ, означающее повтореніе: ещё приходи, ещё налейте, и еще безъ ударенія, означающее время: онъ еще не пришелъ, а мы уже сѣли за столъ; еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ; еще весны душистой нѣга къ намъ не успѣла низойти...

Онъ съ виду хоть и простъ,
А свóйство чудное имѣетъ. Крыловъ, Лжецъ.
И нѣтъ для бѣдной птички проку
Въ свойствѣ́ съ людьми. Тютчевъ, Не даромъ
милосердымъ Богомъ.

§ 5. Значеніе словъ зависитъ не только отъ нихъ самихъ, но и отъ сочетанія ихъ съ другими словами,—отъ употребленія ихъ. То же нужно сказать и объ удареніи. Люди, привыкшіе говорить дéньга, дéньгу, въ сочетаніяхъ послѣдней формы съ глаголами „скопить“, „зашибить“ часто говорятъ деньгу́: „скопилъ деньгу́“, зашибетъ деньгу́“. У лицъ, такъ говорящихъ, нѣтъ колебанія ударенія, а есть извѣстное, вполнѣ опредѣленное употребленіе его въ сочетаніяхъ словъ. Точно также мы теперь говоримъ: „ретúвый конь“, „ретúвый работникъ“, но „ретивóе сердце“. Посмотрѣвши на примѣры при словѣ „ретивый“, мы увидимъ, что во времена Пушкина и Крылова было колебаніе въ удареніи этого слова; теперь такого колебанія нѣтъ, но есть разница въ употребленіи двухъ ударяемыхъ формъ.

Отечество наше богато,
Въ немъ всякій деньгу́ зашибетъ. Щербина.
Встрепенулось во мнѣ сердце ретивóе. Полонскій.
Влюбленный мѣсяцъ.

§ 6. Отъ такого употребленія, болѣе или менѣе общаго всѣмъ русскимъ образованнымъ людямъ, употребленія, которое вошло въ языкъ и сдѣлались всѣмъ привычно, нужно отличать употребленіе ударенія болѣе частное, которое сознательно примѣняется поэтами соотвѣтственно содержанію и тону стихотвореній. Это мы увидимъ въ двухъ слѣ-

дующихъ примѣрахъ, гдѣ слова „псальмы“ и „честное“ даны съ тѣми удареніями, съ которыми они извѣстны въ нашемъ церковномъ языкѣ.

Тамъ благодарственные п с á л ь м ы
Для васъ народы воспоютъ. А. Майковъ, Клермонтскій соборъ.
А ч е с т н ó е мученика тѣло...
Скоро-бъ не зарытое истлѣло. К. Р., Севастіанъ-мученикъ, XLVI.

Въ первомъ примѣрѣ слово „псáльмы“, вложенное въ уста отшельника, проповѣдующаго крестовый походъ, имѣетъ ту же форму и удареніе, какія ему свойственны въ рѣчи неученыхъ русскихъ начетчиковъ, благочестивыхъ крестьянъ, старообрядцевъ и тому подобныхъ людей. И по значенію это не „псалмы“, а стихи религіознаго содержанія.

Во второмъ примѣрѣ слово „честнóе“ взято съ тѣмъ удареніемъ, какое оно имѣетъ въ церковныхъ книгахъ и въ рѣчи духовныхъ лицъ о церковныхъ событіяхъ и предметахъ.

Это стилистическое употребленіе ударенія, съ цѣлью дать извѣстную окраску разсказу.

Еще чаще, чѣмъ старое книжное, употребляется поэтами современное народное удареніе, особенно въ рѣчи крестьянъ, въ стихотвореніяхъ, написанныхъ народнымъ языкомъ, въ подражаніяхъ нашимъ пѣснямъ и сказкамъ. Примѣры такого рода мы уже видѣли впереди.

§ 7. Разными словами нужно считать и тѣ причастія на н н ы й и образовавшіяся изъ нихъ прилагательныя на н ы й, которыя отличаются по ударенію: с ý ш е н н ы й и с у ш ó н ы й, в á р е н н ы й и в а р ё н ы й, п и́ л е н н ы й и п и л ё н ы й, с т р ó ч е н н ы й и с т р о ч ё н ы й, к л é е н н ы й и к л е ё н ы й, с в é р л е н н ы й и с в е р л ё н ы й, с ó л е н н ы й и с о л ё н ы й, с ý ч е н н ы й и с у ч ё н ы й, с ý л е н н ы й и с у л ё н ы й, х в á л е н н ы й и х в а л ё н ы й, т ó п л е н н ы й и т о п л ё н ы й, т ó ч е н н ы й и т о ч ё н ы й. Слова эти отличаются и по значенію: въ словахъ перваго ряда преобладаетъ понятіе дѣйствія, а въ словахъ второго ряда преобладаетъ понятіе качества.

§ 8. Иногда даже выдающіеся поэты смѣшиваютъ въ одномъ словѣ два различныя слова съ разными удареніями. Мы, напримѣръ, всѣ знаемъ, что п о ж á р и щ е значитъ: большой пожаръ, но не всѣмъ хорошо извѣстно, какъ произносится слово „пожарище“ въ значеніи: погорѣлое мѣсто.

3

Настоящее произношеніе его: пожарйще съ особымъ удареніемъ, а многіе говорятъ его также, какъ и первое слово: поэтому неправильное удареніе и встрѣчается у поэтовъ: Тютчева („Поминки" изъ Шиллера), Вл. Соловьева, вѣроятно усвоившихъ данное слово изъ неразборчиваго употребленія.

Вижу ее на пожáрищѣ тлѣющемъ
Въ сумракѣ зимнемъ одну. Вл. Соловьевъ. Память.

Въ оправданіе подобныхъ ошибокъ необходимо сказать, что онѣ все-таки возникаютъ изъ живого языка или, по крайней мѣрѣ, поддерживаются имъ. Если бы всѣ говорящіе современнымъ литературнымъ языкомъ утратили форму пожарйще и соединили принадлежащее ей значеніе съ формой пожáрище, то въ употребленіи послѣдней формы въ значеніи „погорѣлое мѣсто" уже не было бы никакой ошибки. Смѣшеніе двухъ формъ мы чувствуемъ теперь, и во время Вл. Соловьева оно было больше, чѣмъ раньше, во времена Тютчева.

Церкóвище у А. Толстого вполнѣ согласно съ народнымъ произношеніемъ этого слова.

Повѣрье есть такое въ нашихъ селахъ,
Что церковь въ землю нѣкогда ушла;
На мѣстѣ жъ томъ образовалась яма:
Церкóвищемъ народъ ее зоветъ...
А. Толстой, Царь Ѳедоръ Іоанновичъ.

§ 9. Говоря о различіи значенія словъ по ударенію, необходимо помнить, что это различіе мѣняется со временемъ. Такъ, мы имѣемъ основаніе думать, что слова „пожáрище" и пожарйще" прежде лучше отдѣлялись одно отъ другого. Бываетъ и наоборотъ: напримѣръ, мы строго различаемъ теперь слова чýдный (удивительный, прекрасный) и чуднóй (смѣшной, странный), или чéстный (не обманывающій) и честнóй (почтенный; напримѣръ: честнóй народъ), но въ началѣ XIX-го вѣка въ литературномъ языкѣ, вѣроятно, еще не существовало такого точнаго раздѣленія въ значеніи данныхъ формъ, и онѣ смѣшиваются у писателей того времени.

Хвостъ сзади, спереди какой-то чýдный выемъ.
Грибоѣдовъ, Горе отъ ума.

А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ.
Крыловъ, Лжецъ.

Какіе-то честные торгаши
Наторговали денегъ гору. Крыловъ, Раздѣлъ.
Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ.
Крыловъ. Котъ и поваръ.

Вотъ гости че́стные пашли;
За столъ невѣсту повели. Пушкинъ, Женихъ.

Мы теперь сказали бы только такъ: чудно́й выемъ, чу́денъ мостъ, че́стные торгаши, че́стнымъ котомъ, честны́е гости.

Изученіе ударенія. Источники.

§ 10. Необходимо имѣть въ виду, что изученіе русскаго литературнаго ударенія представляетъ значительныя трудности для того, кто не вполнѣ владѣетъ его употребленіемъ. Самый предметъ чрезвычайно сложенъ, не поддается легкимъ для усвоенія группировкамъ и обобщеніямъ. Русское удареніе и изучено недостаточно; особенно мало изслѣдовано удареніе современнаго намъ литературнаго языка. Вполнѣ авторитетныхъ источниковъ для изученія нашего ударенія немного; это:

1) „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ". Послѣднее изданіе этого Словаря было въ 1867 году, и его давно нѣтъ въ продажѣ.

Собственно академія составила и редактировала 1-е изданіе Словаря, вышедшее въ 1848 году; второе изданіе было частное (Н. Л. Тиблена) и представляетъ перепечатку перваго. Для нашего времени нѣкоторыя ударенія, показанныя здѣсь могли устарѣть.

2) „Толковый Словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля". Теперь въ обращеніи 3-ье изданіе, вышедшее подъ редакціею проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и относительно ударенія это изданіе лучше двухъ первыхъ, потому что редакторъ принималъ во вниманіе ударенія, существующія въ современномъ литературномъ языкѣ, и сообщалъ ихъ въ своихъ дополненіяхъ.

3) „Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ". Выходитъ выпусками. Вышло 2 тома на буквы А—Д и Е—Ж и нѣсколько выпусковъ на букву К. Благодаря богатому собранію примѣровъ изъ старыхъ и новыхъ поэтовъ, Словарь Академіи Наукъ даетъ много цѣнныхъ указаній по ударенію словъ; онъ указываетъ, кромѣ того, и областныя отличія отъ принятого въ литературномъ языкѣ ударенія.

Справки по этимъ источникамъ не разрѣшать всѣхъ затрудненій, такъ какъ въ словаряхъ указывается только удареніе словъ, но не формъ. Нашедши въ словарѣ, что слова зимá, окнó, велúкій, созвáть произносятся съ удареніями, которыя здѣсь обозначены, мы еще не будемъ знать, какъ произнести эти слова въ нѣкоторыхъ другихъ формахъ; напримѣръ, какъ сказать: зúму или зимý, óконъ или окóнъ, велúки или велúкі, созвáла или созвалá?

Сводъ указаній на удареніе формъ мы имѣемъ въ трудахъ самыхъ замѣчательныхъ изслѣдователей русскаго слогоударенія, академиковъ А. Х. Востокова и Я. К. Грота:

1) „Русская Грамматика А. Востокова, по начертанію его же Сокращенной Грамматики полнѣе изложенная". Въ ней занимающему насъ вопросу посвящена часть 4-я, „о слогоударенiи".

2) „О спряженіи русскаго глагола и о важности въ немъ ударенія".

„О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ".

„О русскомъ удареніи вообще и объ удареніи именъ существительныхъ".

Эти 3 статьи перепечатаны въ „Филологическихъ Разысканіяхъ" академика Грота (1-е изданіе „Ф. Р." было въ 1873 году, послѣднее—во 2-мъ томѣ „Трудовъ Я. К. Г." 1899 года).

Въ связи съ образованіемъ и измѣненіемъ словъ русское удареніе обстоятельно разсмотрѣно также въ сочиненіи протоіерея Г. Павскаго „Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка" (1-е изданіе вышло въ 3-хъ частяхъ въ 1841 году, 2-е—въ 1850 году въ 4-хъ частяхъ).

Въ названныхъ сочиненіяхъ собранъ и обработанъ огромный матеріалъ по ударенію формъ, но для говорящихъ существуетъ такъ много затрудненій и колебаній, что они нерѣдко не найдутъ въ данныхъ источникахъ указаній по затрудняющимъ ихъ произношеніямъ. Кое-что въ этихъ трудахъ и устарѣло. Напримѣръ, въ грамматикѣ Востокова показаны ударенія, вышедшія изъ обращенія: трú раза, двѣ́ ночи (существительное въ 1-ой половинѣ прошлаго столѣтія произносилось здѣсь безъ ударенія), фунтóвъ, цѣхóвъ, сѣ́дину, сѣ́дины, коротóкъ, легóкъ. У академика Грота кое-гдѣ вмѣсто московскаго литератур-

наго показано петербургское или же провинціальное удареніе. Укажу для примѣра: уди́ть, при́шлешь, се́рдиться. Не вполнѣ литературныя ударенія поставлены имъ иногда и въ „Русскомъ Правописаніи“: таковы: знаха́рка, кашляну́ть, щелка́ть. Нѣкоторыя указанія академика Грота тоже являются въ наше время устарѣлыми. Напримѣръ, мы не можемъ считать употребительными въ современномъ литературномъ языкѣ произношенія: сади́шь, гаси́шь, тащи́шь, яви́шь, которыя даны въ его статьѣ безъ всякихъ оговорокъ относительно употребленія.

Изрѣдка встрѣчаются у академика Грота и небольшія неточности. Такъ, при глаголѣ уди́ть онъ указываетъ двѣ формы 2-го лица: уди́шь и у́дишь, при словѣ у́лей въ „Русскомъ Правописаніи“ даетъ двѣ формы родительнаго падежа: у́лья и улья́. Но формы у́дишь и улья́ мы имѣемъ не отъ указанныхъ формъ, а отъ другихъ, хорошо извѣстныхъ въ живомъ русскомъ языкѣ: у́дить и уле́й.

Очень богатый матеріалъ для изученія русскаго ударенія даетъ изслѣдованіе профессора Е. Ѳ. Будде: „Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина“ (СПб. 1904 = Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н., томъ 77-ой), гдѣ почти съ исчерпывающею полнотою разсмотрѣно удареніе именъ, мѣстоименій и глаголовъ, встрѣчающихся у Пушкина, послѣдовательно проведено сравненіе Пушкинскаго ударенія съ современнымъ литературнымъ и дано много важныхъ разъясненій и указаній теоретическаго характера.

Для изученія теоретическихъ вопросовъ, связанныхъ съ нашимъ литературнымъ удареніемъ, важныя указанія есть въ книгѣ профессора Р. Ѳ. Брандта „Начертаніе славянской акцентологіи“ (СПБ. 1880) и въ нѣкоторыхъ статьяхъ академика Ѳ. Е. Корша, особенно въ напечатанной въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н.“ (1897 г., кн. 2-я): „Ударенія въ языкѣ русской народной поэзіи“.

Русскихъ текстовъ, напечатанныхъ съ удареніями, немного. Изъ нашихъ школьныхъ хрестоматій съ удареніями, назначенныхъ для нерусскихъ дѣтей, наиболѣе распространены книги Мартыновскаго и Вольпера. Замѣтимъ, однако, что педагогическая критика давно уже обращала вниманіе на то, что ударенія въ подобныхъ изданіяхъ ставятся не

всегда правильно. Есть хорошія русскія хрестоматіи съ удареніями, изданныя учеными спеціалистами, преподающими русскій языкъ въ иностранныхъ высшихъ школахъ; авторы ихъ принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы въ напечатанные у нихъ тексты не вкралось какихъ либо неточностей. Такъ, въ названной ниже хрестоматіи профессора Кошутича тексты провѣрены относительно ударенія по произношенію лицъ, живущихъ въ Москвѣ, и спеціалистовъ по языку, такъ что эта книга дастъ много вполнѣ точныхъ и полезныхъ показаній и для русскихъ людей, затрудняющихся въ удареніи. Точно также книга профессора Буайе даетъ русскіе тексты съ удареніями, поставленными съ большой внимательностью и точностью.

1) Рад. Кошутичъ. Русская хрестоматія. Бѣлградъ. 1910. Т. I. Тексты.—Т. II. Примѣчанія.—Т. III. Словарь.

2) Paul Boyer и N. Spéranski. Manuel pour l'etude de la lange russe. Textes accentués. Paris. 1905.

Кромѣ этихъ капитальныхъ трудовъ, мы имѣемъ рядъ полезныхъ учебныхъ пособій для справокъ объ удареніи (Щарловскаго, Ельсина, Быстрова, Синякова, Огіенко), но на нихъ не всегда можно положиться.

Въ русской литературѣ по грамматикѣ недостаетъ такой книги, въ которой былъ бы данъ полный сводъ всѣхъ случаевъ русскаго ударенія по современному московскому говору. Только такое сочиненіе могло бы разрѣшить всѣ недоумѣнія и затрудненія говорящихъ, живущихъ въ разныхъ концахъ Россіи. Оно явилось бы незамѣнимымъ и драгоцѣннымъ пособіемъ и для ученыхъ изслѣдователей русскаго ударенія.

§ 11. Изучать русское литературное слогоудареніе изъ современнаго употребленія нелегко потому, что въ разныхъ культурныхъ центрахъ Россіи прочно утвердились въ образованномъ обществѣ своеобразныя мѣстныя ударенія. Такъ какъ они почти всѣми мѣстными жителями считаются вполнѣ литературными, то путемъ живого общенія, школы, а отчасти и при посредствѣ печати, такія провинціальныя ударенія широко распространяются въ мѣстной средѣ.

Такъ, въ Петербургѣ стали уже обычными слѣдующія произношенія, несогласныя съ московскимъ говоромъ и отступающія отъ общепринятаго, издавна установившагося русскаго ударенія: водопóль, хлопóкъ (вата), знахáрь

береста́, угля́ („нѣтъ угля́“), углёмъ, си́роты, блага́ (напр., „земныя блага́“), освѣдоми́ть, приспособи́ть, уди́ть, мелько́мъ. Отъ петербургскихъ учащихся нерѣдко слышатся въ женскомъ родѣ глаголовъ прошедшаго времени произношенія съ удареніемъ въ началѣ вмѣсто общепринятаго на концѣ: бы́ла, у́мерла, на́чала и подобн. Даже образованные петербуржцы допускаютъ иногда такія несносныя русскому слуху ударенія, какъ: Пи́роговъ (о знаменитомъ врачѣ и педагогѣ), Пи́роговская набережная.

Въ Одессѣ и вообще въ томъ краѣ, гдѣ она находится, многія слова говорятъ съ необычными, даже странными удареніями; напримѣръ: аккуратнѣ́е, а́прѣль, ба́горъ, бара́нъ—барана́, бере́дить, берёжный, берёжно (бережливо), боги́, бры́кать, бу́горъ и т. д. *).

Такія произношенія проникаютъ и въ мѣстную печать. Напримѣръ, въ стихотвореніи „Засѣданіе педагоговъ“, напечатанномъ въ газетѣ „Утро Одессы“ (19 сент. 1911 г., № 72), мы читаемъ:

— „Печально, господа! Я долженъ ва́мъ сказать,
Что мы окружены со всѣхъ сторонъ врагами.
И, если отступи́мъ, то, вѣрьте, что надъ нами
Послѣдніе глупцы вѣдь будутъ хохотать...
— Но мы не отступи́мъ! Клянусь я вамъ душой!

Петербургскія ударенія, встрѣчающіяся у извѣстныхъ поэтовъ, захватываютъ большій кругъ распространенія, вступаютъ въ борьбу съ общепринятымъ литературнымъ удареніемъ и заявляютъ права на общее признаніе. То же нужно сказать и о другихъ мѣстныхъ особенностяхъ всякаго поэта и прозаика, если его рѣчь не вполнѣ очистилась отъ провинціальнаго элемента, а сочиненія получили широкое распространеніе. Особенно замѣтно вліяніе мѣстныхъ писателей тогда, когда изъ извѣстной области выходитъ рядъ талантливыхъ авторовъ. У насъ, напримѣръ, изъ области южно-великорусской рѣчи вышли Жуковскій, Кольцовъ, Полонскій, Никитинъ, А. Толстой и др. Мы увидимъ дальше, что они оказали явное вліяніе на наше литературное удареніе.

Въ числѣ петербургскихъ удареній, вошедшихъ въ стихотворный языкъ, мы укажемъ изъ приведенныхъ раньше

*) См. „В. Долопчевъ. Опытъ Словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи“. Изд. 2-е. Варшава, 1909.

въ § 3-мъ: ма́шина, обо́рванецъ, праба́бушка, праоте́цъ, уле́й. Кромѣ того, въ стихотвореніяхъ Чюминой (Михайловой) укажемъ: сиро́тъ, масли́ны, стеблёмъ, червёмъ.

Видя горе бѣдняковъ —
Сиро́тъ, вдовъ и стариковъ —
Васплекъ терпѣла муки. Васплекъ.
Ветхозавѣтныя масли́ны,
Вы, украшавшія долины... Маслины.
Душой подобенъ онъ увядшему цвѣтку
Со сломаннымъ стеблёмъ. На смерть А. Де-Мюссе.
Червёмъ землянымъ я была. Цикадѣ.

Удареніе въ говорѣ отдѣльныхъ лицъ.

§ 12. Эта значительная пестрота ударенія, можно сказать, нечистота ударенія, т. е. смѣшанность его элементовъ, конечно, очень затрудняетъ его изученіе. Почти всѣ говорящіе и безъ того склонны считать „правильнымъ" въ языкѣ все то, съ чѣмъ они давно освоились. Кто привыкъ, напримѣръ, говорить „англі́йскій", „бузи́на", „вна́ймы", „дремота́", „изрѣдка́", „ка́знить", „на́голо", „на́зло", „по́мостъ", „перга́ментъ", „прѣсно́й", „сни́гирь", „та́можня", „тво́рогъ", „фи́тиль", „чаца́", „ха́нжа", „ха́нжество", тому и представляется, что это—общепринятое произношеніе данныхъ словъ въ языкѣ образованныхъ людей. Между тѣмъ въ словаряхъ онъ не найдетъ такихъ произношеній; но говорящій такъ, какъ сейчасъ указано, можетъ думать, что данныя произноше́нія утвердились въ языкѣ послѣ составленія словарей, или же могли быть пропущены ихъ составителями.

Точно также и встрѣчающіеся ему примѣры изъ авторовъ, подобные слѣдующимъ, онъ будетъ считать архаизмами или провинціализмами, случайно выражающими одно изъ двухъ возможныхъ въ литературномъ языкѣ, произношеній.

(Недугъ) Подобный а́нглійскому сплину. Пушкинъ,
Евгеній Онѣгинъ, гл. 5, XXXVIII.
Здѣсь въ лагерь а́нглійскій дорога. Жуковскій,
Орлеанская дѣва. 5, V.
Вѣдь это я сукно за а́нглійское сбылъ. Крыловъ, Купецъ.
Донынѣ—если я,
Невольною дре́мотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи... Пушкинъ,
Борисъ Годуновъ.

Голову няня въ д р е м ó т ѣ склонила. Никитинъ,
Дѣтство веселое.
Ѝ з р ѣ д к а воздухъ ночной доносилъ
Шорохъ проснувшихся галокъ. Полонскій, Мельникъ.
Да ѝ з р ѣ д к а вѣтеръ къ нему прилетитъ. Никитинъ, Ключъ
Забывъ о румбахъ и к о м п á с ѣ,
Руля не слыша подъ рукой... Случаевскій, Разбитая шкуна.
Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,
Тотъ не у к р á д е т ъ, не обманетъ. Крыловъ,
Крестьянинъ и лисица.
Какъ дѣва чистая, во ткань облечена,
Возсядетъ на п о м ó с т ъ. Батюшковъ, Элегія изъ Тибулла.
Но вотъ ужъ с ý м е р к и ,сгущаются въ глуши.
Полонскій, Прогулка по Тифлису.
Тамъ судьба твоя съ ф и т и л ё м ъ стоитъ
Невидимкою. Полонскій, на берегахъ Италіи.
Пускай х а н ж ѝ глядятъ съ презрѣньемъ
На беззаконный нашъ союзъ. Лермонтовъ, Прелестницѣ.
Онъ вашу низость, ваше х а н ж е с т в ó
Клеймилъ могучимъ словомъ обличенья. Буренинъ. Байронъ.
Въ ч á щ ѣ дикой и глухой
Нимфа юная отстала. Батюшковъ, Вакханка.
Въ ч á щ ѣ свиста переливы. Никитинъ, Въ небѣ радуга сіяетъ.

Здѣсь вопросъ долженъ разрѣшиться окончательно согласнымъ показаніемъ трехъ источниковъ: 1) словари и грамматики, 1) ударенія у поэтовъ, 3) современное произношеніе образованныхъ людей.

Сопоставленіе этихъ трехъ источниковъ (насколько они намъ извѣстны) убѣждаетъ въ томъ, что литературными нужно признать только произношенія: á н г л і й с к і й (такое удареніе соотвѣтствуетъ и народной, а частію и литературной, формѣ этого слова: á г л и ц к і й), б у з и н á, в н а й м ы́, д р е м ó т а, ѝ з р ѣ д к а, к а з н ѝ т ь, п е р г á м е н т ъ, п о м ó с т ъ, с н и г ѝ р ь *), с ý м е р к и, т а м ó ж н я, ф и т ѝ л ь ч á щ а, х а н ж á, х а н ж е с т в ó.

Такъ какъ словари показываютъ только произношенія н а г о л ó, н а з л ó, п р ѣ с н ы́ й, т в о р ó г ъ, к о м п á с ъ, а въ образованномъ русскомъ обществѣ нерѣдко слышатся, рядомъ съ этими, еще произношенія: н á г о л о, н á з л о, п р ѣ с н ó й, т в ó р о г ъ, к ó м п а с ъ, то нужно признать, что и эти произношенія „правильны“, хотя они и не занесены въ словари. Но словари никогда и не могутъ быть такъ полны, чтобы заключить въ себѣ все богатство и все разнообразіе языка.

*) У Я. К. Грота въ „Русскомъ Правописаніи“ показано и с н ѝ г и р ь, но это, повидимому, діалектическое произношеніе.

Наконецъ, академическій словарь и поэты: Крыловъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, отдаютъ предпочтеніе ударенію: кра́дешь, кра́детъ, кра́дется, укра́детъ, а мы говоримъ и слышимъ обыкновенно другое: крадёшь, крадётъ, крадётся, украдётъ. Значитъ, удареніе 1-го типа устарѣло, вытѣснилось другимъ, тѣмъ именно, которое мы теперь употребляемъ.

Произведенный сейчасъ анализъ одного хорошо извѣстнаго мнѣ ряда произношеній показываетъ, что въ нашемъ языкѣ хранится, иногда незамѣтно для насъ самихъ, много мѣстныхъ особенностей въ удареніи. Такія особенности останутся въ насъ навсегда, если мы не научимся наблюдать и всесторонне изучать свою и чужую русскую рѣчь.

Мы видѣли, что очищеніе рѣчи каждаго, желающаго освоиться съ болѣе литературною ея формою, не должно состоять въ механическомъ нахожденіи и запоминаніи однихъ формъ и въ старательномъ забываніи другихъ. Правильно произведенное изслѣдованіе каждаго вопроса, интересное и само по себѣ, кромѣ этого, тѣмъ именнно и дорого, что въ концѣ его получается не односложный отвѣтъ, но полное разъясненіе вопроса, которое поможетъ понять й другіе однородные факты. Всего же важнѣе то, что только при подобныхъ излѣдованіяхъ мы можемъ сохранить въ своемъ языкѣ тотъ здоровый элементъ, который, войдя къ намъ изъ современнаго живого языка образованнаго общества, оказывается еще не внесеннымъ въ устарѣвшіе словари и грамматики, въ угоду которымъ никакъ нельзя портить общепринятаго языка.

Удареніе въ стихахъ. Удареніе устарѣлое, народное и неустойчивое.

§ 13. Богатѣйшій источникъ для изученія русскаго ударенія — наши стихотворныя произведенія. Никакъ нельзя думать, что поэты допускаютъ ради размѣра ударенія, какія придется, лишь бы построить стихъ. Правда, у насъ въ школѣ и обществѣ живетъ еще это устарѣлое и совершенно неосновательное мнѣніе; но для лицъ, знакомыхъ съ поэзіей и языкомъ, все дѣло здѣсь объясняется вполнѣ естественно: въ стихахъ поэта есть только то, что есть въ языкѣ его народа. „Поэтическія вольности“ не идутъ дальше

выбора изъ двухъ существующихъ формъ той, которая нужна поэту; и въ этомъ случаѣ онъ иногда предпочитаетъ форму менѣе обычную, намъ не всегда извѣстную. Уже давно величайшій представитель нашей поэзіи, Пушкинъ, шутливо писалъ, что поэты не имѣютъ никакихъ преимуществъ, „кромѣ права ставить винительный вмѣсто родительнаго падежа послѣ частицы не и кой-какихъ еще такъ называемыхъ стихотворныхъ вольностей“. Прежде даже ученые думали, что у старыхъ поэтовъ встрѣчаются „невѣрныя“ ударенія и въ „быстро́“ Ломоносова видѣли произвольное искаженіе языка ради стихотворнаго размѣра. Но теперь, съ расширеніемъ нашихъ свѣдѣній о русскихъ народныхъ говорахъ, стало хорошо извѣстно, что Ломоносовъ и другіе старые поэты допускали только мѣстное, усвоенное ими въ дѣтствѣ и молодости удареніе; поступать такъ, конечно, было очень естественно въ то время, когда русскій литературный языкъ еще только выходилъ изъ хаотическаго состоянія, когда не было ни образцовъ литературной рѣчи, ни грамматики ея (до 1757 года), ни словаря.

Для доказательства полной естественности поэтической рѣчи нужно обратить вниманіе на тотъ простой фактъ, что въ стихахъ даже самыхъ недаровитыхъ поэтовъ мы не найдемъ, напримѣръ, такихъ удареній, какъ: во́да, но́га, се́стру, сто́лы, ча́сы, видя́тъ, любила́, не́сла и т. д. Даже дѣти, пишущія стихи, не ставятъ такихъ удареній. Ясно, что есть особый ограниченный кругъ словъ, въ которомъ могутъ быть колебанія въ удареніи у разныхъ поэтовъ или даже у одного и того же. У поэтовъ кругъ этотъ несомнѣнно гораздо шире, чѣмъ у насъ, ихъ читателей,—какъ и вообще у нихъ несравненно богаче запасъ хранящихся въ памяти словъ, формъ и оборотовъ рѣчи. У такихъ большихъ поэтовъ, какъ Державинъ, Жуковскій, Крыловъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, словесный матеріалъ, изъ котораго они строятъ свои художественныя произведенія, необыкновенно великъ. Это и вводитъ насъ, недостаточно знакомыхъ съ русскимъ языкомъ читателей, въ заблужденіе: находя у автора слова и формы, которыхъ мы не знаемъ или не понимаемъ, мы иногда составляемъ мнѣніе, что авторъ ошибся, употребилъ не существующее слово или такое, въ которомъ не отдалъ себѣ отчета. Между тѣмъ „ошибки“ поэтовъ бываютъ не больше того, что 1) они употребляютъ областныя слова и формы, не вошедшія въ литературный языкъ; конечно, они допус-

каютъ это очень рѣдко; 2) поэты употребляютъ слова и формы, заимствованныя у поэтовъ старшаго поколѣнія, въ данное время выходящія или уже и вышедшія изъ обращенія.

Въ качествѣ формъ перваго рода, т. е. удареній мѣстныхъ, мы можемъ указать въ приведенныхъ раньше примѣрахъ (§ 3-ій) южно-великорусскія формы: в е р б а́, г е т м а́ н с к і й, к л е́ н и т ь, о с о к а́, п е т л я́, п я́ т а, р а б о т а́ т ь.

Въ примѣръ удареній архаичныхъ, книжныхъ, устарѣлыхъ возьмемъ: в о л ш е́ б с т в о, д н е́ в н ы й, з е́ ф и р ъ, л е д я́ н ы й, л а́ в р о в ы й, м у з ы́ к а, п р и з р а́ к ъ, п ѣ н ь е́, р а в е́ н с т в о, с и м в о́ л ъ, ф и л о с о́ ф ъ.

Конечно, не всегда легко помѣстить необычное удареніе поэта въ одну изъ этихъ двухъ группъ. Формы „верба́“, „осока́“, „петля́“, распространенныя въ южныхъ говорахъ, не извѣстныя въ сѣверныхъ, чуждыя русскому литературному языку, несомнѣнно относятся къ первой группѣ. Формы „зе́фиръ“, „музы́ка“, „призра́къ“, „симво́лъ“, „филосо́фъ“, конечно, архаизмы литературнаго языка, такъ какъ данныя слова не вошли въ общераспространенный народный языкъ. Но есть много словъ, которыя соединяютъ въ себѣ свойства обѣихъ группъ: они и народны, и архаичны. Напримѣръ, теперь только въ народныхъ говорахъ мы слышимъ такія произношенія, какъ „кро́мѣ“, „опро́метью“, „случа́й“; образованные люди нашего времени такъ не говорятъ, но во времена Грибоѣдова и Крылова, очевидно, такъ говорили и въ образованномъ обществѣ, иначе эти писатели не рѣшились бы употребить такія формы въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. Значитъ, приведенныя слова нужно будетъ считать провинціализмами, если имѣть въ виду русскій литературный языкъ въ его современномъ состояніи; если же имѣть въ виду исторію русскаго языка, то они явятся также и архаизмами.

То же нужно сказать и относительно нѣкоторыхъ формъ, приводимыхъ нами дальше; напримѣръ, „было́“, „при людя́хъ“. Очевидно, что если такъ писали поэты, то та́къ говорилъ и образованный классъ того времени.

§ 14. Затѣмъ въ распоряженіи поэтовъ находится довольно большой рядъ словъ, которыя въ образованномъ языкѣ обращаются съ двоякимъ удареніемъ, при чемъ мы не дѣлаемъ замѣтнаго предпочтенія ни той, ни другой формѣ. Хотя всякій говорящій и употребляетъ одну какую-нибудь форму, но другая не кажется ему странной

и неправильной, когда онъ ее слышитъ. Значительное собраніе такихъ словъ мы дали въ § 2-омъ.

Изъ приведенныхъ раньше этого, въ качествѣ болѣе или менѣе равноправныхъ формъ, укажемъ: безпо́мощно и безпомо́щно, вза́ймы и взаймы́, воро́та и ворота́, высо́ко и высоко́, глубо́ко и глубоко́, гля́нуть и гляну́ть, гра́жданинъ и граждани́нъ, далёко и далеко́, до́сыта и досы́та, зо́лотце и золотцо́, и́здавна, изда́вна и издавна́, издалёка и издалека́, и́здали и издали́, и́наче и ина́че, кла́дбище и кладби́ще, ме́лочный и мелочно́й, ми́нуть и мину́ть, на́житый и нажито́й, ну́жда и нужда́, о́блачко и облачко́, пле́тень и плете́нь, подне́бесье и поднебе́сье, по́лночь и полно́чь, при́говоръ и пригово́ръ, про́сѣка и просѣ́ка, пухо́вый и пухово́й, ро́змахъ и разма́хъ, ру́сло и русло́, рѣ́зьба и рѣзьба́, садо́вый и садово́й, са́жень и саже́нь, спро́ста и спроста́, ста́туя и стату́я, сча́стливый и счастли́вый, то́тчасъ и тотча́съ, уско́рить и ускори́ть, христіа́нинъ и христіани́нъ, широ́ко и широко́.

Кто знакомъ съ сѣверными и южными говорами, тотъ легко замѣтитъ, что одни изъ указанныхъ произношеній свойственны сѣвернымъ, окающимъ говорамъ, другія—южнымъ, акающимъ. Дѣйствительно окальщики обыкновенно произносятъ: „взаймы́“, „воро́та“, „высо́ко“, „глубо́ко“, „далёко“, „при́говоръ“, „саже́нь“, „широ́ко“; акальщики же говорятъ: „вза́ймы“, „ворота́“, „высоко́“, „глубоко́“, „далеко́“, „пригово́ръ“, „са́жень“, „широко́“. Очевидно, русскіе образованные люди уже давно такъ часто говорили и слышали эти слова въ той и другой формѣ, что данныя произношенія сдѣлались привычными для всѣхъ варіаціями одного и того же слова и совсѣмъ перестали казаться провинціализмами. Значитъ, въ рядѣ подобныхъ словъ, мы видимъ результатъ взаимнаго равносильнаго вліянія на литературный языкъ сѣверныхъ и южныхъ великорусскихъ говоровъ.

§ 15. Затѣмъ, въ числѣ формъ съ двоякимъ удареніемъ мы должны въ частности отличать особый отдѣлъ, къ которому нужно отнести слова, издавна извѣстныя съ колеблющимся удареніемъ въ народномъ русскомъ языкѣ, въ пѣсняхъ, въ былинахъ и въ пословицахъ.

Это слова: бы́стрый и быстро́й, дѣви́ца и дѣви́ца, зелёный и зелено́й, калёный и калено́й, ми́лый и мило́й, мо́лодецъ и молоде́цъ, пѣ́шій и пѣшо́й, рети́вый и ретиво́й, ска́тный и скатно́й, со́колъ и соко́лъ, студёный и студено́й, то́щій и тощо́й, ту́гій и туго́й, уда́лый и удало́й, хмѣ́льный и хмельно́й, цвѣ́тный и цвѣтно́й, че́стный и честно́й, чи́стый и чисто́й, ше́лковый и шелково́й.

Нѣкоторыя изъ этихъ словъ вошли съ двоякимъ удареніемъ и въ литературный языкъ; таковы: „дѣвица“ и „дѣви́ца“, „мо́лодецъ“ и „молоде́цъ“, „рети́вый“ и „ретиво́й“, „со́колъ“ и „соко́лъ“, „уда́лый“ и „удало́й“, „ше́лковый“ и „шелково́й“. Другія слова имѣютъ въ литературномъ языкѣ только одно удареніе. Мы видимъ, что поэты пользуются этимъ различіемъ народнаго и литературнаго языка. Чтобы придать своимъ стихотвореніямъ народный или архаическій колоритъ, они употребляютъ тѣ именно ударенія, которыя есть въ народномъ языкѣ, но которыхъ нѣтъ въ литературномъ. Всего чаще это встрѣчается у гр. А. К. Толстого.

§ 16. Итакъ, изучая русское удареніе по произведеніямъ поэтовъ, мы должны относительно каждаго случая выяснить себѣ слѣдующіе вопросы: 1) одно ли встрѣтившееся удареніе имѣетъ данное слово или оно допускаетъ еще и другое; 2) если есть второе удареніе, то равноправно ли оно съ первымъ, или же встрѣчается чаще, или рѣже; 3) если же одно́ изъ удареній не равно употребительно, то какому болѣе языку оно принадлежитъ: народному, современному литературному или старому литературному?

§ 17. Иногда ошибочно думаютъ, что въ стихахъ можно опредѣлить удареніе каждаго слова, и потому извлекаютъ у поэтовъ опредѣленныя ударенія тамъ, гдѣ они не ясны.

Напримѣръ, если стихъ двухсложный, а помѣщенное въ немъ слово трехсложное и удареніе его колеблется между первымъ и третьимъ слогомъ, то въ этомъ случаѣ удареніе неопредѣлимо. Такъ слова „подъ носомъ“, „гражданинъ“, „баловать“, „жемчугомъ“, „каменкамъ“ въ слѣдующихъ стихахъ могутъ читаться съ удареніемъ и въ началѣ, и въ концѣ; значитъ, оно здѣсь не ясно.

Бѣда лишь, пóдъ носóмъ глаза кротовы зорки.
Крыловъ, Воспитаніе льва.
Кормъ пóдъ носóмъ. Крыловъ, Лиса строитель.
Гдѣ гráжданйнъ съ душою благородной?
Пушкинъ, Княгинѣ Е. И. Голицыной.
Какъ было мнѣ тебя не бáловáть? Пушкинъ, Русалка, I.
Змѣей, змѣею онъ меня—
Не жéмчугóмъ опуталъ. Тамъ же.
Въ стихахъ твоихъ, ручьемъ по кáмешкáмъ журчащимъ,
Ужъ льется между строкъ поэзіи струя. А. Майковъ,
М. Л. Михайлову.

Удареніе въ прозѣ.

§ 18. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ мы можемъ опредѣлять удареніе словъ и въ прозѣ,—именно, когда съ нимъ связываются какія нибудь особенности правописанія, по которымъ мы и узнаемъ мѣсто ударенія. Напримѣръ, послѣднее слово во фразѣ: „люблю смотрѣть зарю“, читаемъ: зарю́, а первое слово въ выраженіи написанномъ: „зорю бьютъ“, произносимъ: зóрю. Написанія: „вытый“, „розмахъ“, „роздалъ“, читаемъ: вйтый, рóзмахъ рóздалъ, а написанія: „витой“, „размахъ“, „раздалъ“, выговариваемъ: витóй, размáхъ, раздáлъ. Также: „силёнъ“, съ буквою ё, показываетъ и удареніе на ней.

Изъ слѣдующаго примѣра видно, что Лермонтовъ говорилъ рóзмахъ, съ удареніемъ на о.

Я думалъ, она [лодка] ударится съ-розмаха объ берегъ. Тамань, изд. 1840 г. 147. Въ „Мертвыхъ душахъ“ Гоголя изд. 2-е, 1846 года, находимъ по правописанію произношенія: ворóты (но удареніе въ написаніи ворота на стр. 335 уже неясно), плечá.

Вороты нигдѣ не покосились. Стр. 85.

Штукъ десять изъ нихъ положили свои лапы Ноздреву на плеча. 135.

Замѣтимъ, что изрѣдка авторы ставятъ удареніе на словахъ, когда съ различными удареніями слова имѣютъ разный смыслъ. Такъ, Гоголь различалъ въ произношеніи прилагательное пóшла отъ глагола пошлá и поставилъ поэтому на первомъ удареніе.

Какъ бы ни была пóшла новость... Стр. 328.

Л. Н. Толстой произносилъ: мéньшій и меньшóй, разлйлъ, размáхъ, возá, прѣсный, зеленя́.

Донъ Иванычъ былъ меньшій. Шатъ и Донъ, Вторая русская книга для чтенія, изд. 1902 г., стр. 12.

Меньшой сынъ, какъ узналъ, что у него ничего не будетъ... Ровное наслѣдство, Тамъ же, 26.

Соколъ затрепыхался и р а з л и л ъ воду. Царь и соколъ, Третья русская книга для чтенія, изд. 1900 г., 5.

Царь разсердился и, со всего р а з м а х а ударивъ сокола объ камень, убилъ его. Тамъ же.

Когда ледъ холоденъ, то по немъ в о з а ѣздятъ. Ледъ, вода и паръ, Тамъ же, 34.

Только и давалъ, что хлѣбъ п р ѣ с н ы й изъ просяной муки. Кавказскій плѣнникъ, Четвертая русская книга для чтенія, изд. 1900 г., 58.

Передъ нимъ на огромномъ пространствѣ раскинулись ровнымъ бархатнымъ ковромъ з е л е н я. Анна Каренина, т. I, изд. 1908 г.. 201.

Слѣдующія написанія съ ё показываютъ произношенія съ ударяемымъ е: п ѣ н ь ё (очевидно, обычное для своего времени) и п р е т е р п ё н н ы я (для нашего времени нѣсколько странное).

Цѣлый день она вертѣлась около моей квартиры: п ѣ н ь ё и прыганье не прекращалось ни на минуту. Лермонтовъ, Тамань, изд. 1840 г., 49.

Онъ намѣревался краснорѣчиво изложить передъ папа всѣ несправедливости, п р е т е р п ё н н ы я имъ въ нашемъ домѣ. Л. Толстой, Дѣтство и отрочество, изд. 1856 г., 55.

Гончаровъ говорилъ: м е л о ч н о́ й, д о́ м ы, ч у́ ч е л ы, з а п а́ с н ы й, а́ д р е с ы, п л е ч а́, я ш м о в о́ й, у ч и́ т е л и, ё ж е й, р о́ з л и л ъ, п о́ ѣ з д ы, ж о́ л у д е й, ш к и п е р а́, г р о м о в о́ й, р о́ з м а х и и р а з м а́ х ъ, п а́ с п о р т ы.

Душу посѣщалъ и м е л о ч н о й страхъ... Фрегатъ Паллада, I, изд. 1858 г., 8.

Я... заходилъ въ магазины, заглядывалъ въ д о м ы... Тамъ же, 57.

Здѣсь я видѣлъ не муміи и не ч у ч е л ы животныхъ... Тамъ же, 61.

[Въ бумажникѣ] опочилъ изрядный з а п а с н ы й капиталецъ... Тамъ же, 99.

Всѣ совали намъ въ руки свои а д р е с ы. Тамъ же, 134.

П л е ч а еще цѣлы, а бока уже отпали... Тамъ же, 191.

[Сквозь фіолетовую пелену облаковъ] проступаетъ болѣзненно-зеленый, я ш м о в о й оттѣнокъ. Тамъ же, 192.

Этого не сказали мнѣ ни карты,... ни мои у ч и т е л и. Тамъ же, 194.

Мы нашли цѣлый музеумъ... раковинъ, моллюсковъ, морскихъ ё ж е й и раковъ. Тамъ же, 205.

Я р о з л и л ъ всѣмъ супъ. Тамъ же, 225.

По вечерамъ п о ѣ з д ы располагались на бивуакахъ. Тамъ же, 288.

Продавали... какіе-то водяные плоды въ родѣ орѣховъ и ж о л у д е й... Тамъ же, 404.

Другіе, особенно ш к и п е р а, носятъ соломенныя шляпы. Тамъ же, 422.

Меня разбудилъ громовой ударъ. Тамъ же, 470.

Качка и розмахи увеличивались. Тамъ же, 478.

Со всего размаха летѣлъ въ болото. Обломовъ, изд. 1859 г., т. I, ч. 2, стр. 22.

Лучше бы дать имъ паспорты. Тамъ же, 22.

Замѣтимъ, что въ указанномъ текстѣ „Обломова" слово домовый (относящійся къ дому) напечатано съ удареніемъ на слогѣ мо. Въ произношеніи иногда слышится и домовóй (домовóй отпускъ), но такое произношеніе Гончаровъ, очевидно, не считалъ литературнымъ.

Къ домóвому хозяину началъ письмо и не кончилъ. Обломовъ, т. I, ч. 1, 165.

У С. Т. Аксакова можемъ указать ударенія: поясá, учители и учителя́, профéссоры и профессорá, волосá и вóлосы.

Бѣлыя рубахи [мордовокъ], ихъ черные шерстяные пояса... Семейная хроника, изд. 1856 г., стр. 162.

Учители были другіе и насъ не знали... Тамъ же, 274.

Его примѣру послѣдовали и другіе учителя. Тамъ же, 322.

Здѣсь находилось университетское и гимназическое начальство, профессоры, учители и даже ихъ жены и дочери. Тамъ же, 336.

Многіе профессора и учители... смотрѣли сквозь пальцы на исчезновеніе нѣкоторыхъ изъ своихъ слушателей. Тамъ же, 332.

Я самъ держалъ связанные волоса, а отецъ вилъ изъ нихъ тоненькую ниточку, называемую лесою. Дѣтскіе годы Багрова-внука, изд. 1858 г., стр. 31.

Нянька проворно оправила наше платье и волосы. Тамъ же, 107.

(Можетъ быть, Аксаковъ различалъ волосá животныхъ и вóлосы людей).

Ударенія въ именахъ прилагательныхъ, вслѣдствіе стариннаго правописанія, часто употреблявшаго окончаніе ой безъ ударенія, у Аксакова въ данныхъ текстахъ неясны. Напримѣръ, на страницѣ 171-ой „Семейной хроники" мы находимъ у него написаніе громовой голосъ, которое мы не можемъ читать съ удареніемъ на концѣ: громовóй голосъ; на той же страницѣ увидимъ въ его книгѣ написаніе громкой хохотъ и во многихъ другихъ мѣстахъ подобныя, доказывающія, что здѣсь нельзя читать окончанія ой съ удареніемъ. Но въ текстѣ „Разсказовъ и воспоминаній охотника", 2-е изд. 1856 г., болѣе тщательно корректированномъ, слово чисторябый мы прочитаемъ:

чисторябый, такъ какъ у Аксакова мы не отмѣтили здѣсь окончанія ый вмѣсто ой подъ удареніемъ. Это южновеликорусское произношеніе слова „рябой“, которое мы уже видѣли у Фета.

Онъ [ястребъ] былъ чисторябый, то-есть свѣтлосѣрый. Стр. 37.

Интересно отмѣтить указаніе С. Т. Аксакова, что слово актеръ, по сообщенію сдѣланному ему Я. Е. Шушеринымъ, въ концѣ XVIII-го вѣка произносили съ удареніемъ на первомъ слогѣ: а́кте́ръ, а́ктеры (Семейная хроника, стр. 418).

Въ „Разсказахъ и воспоминаніяхъ охотника“ любопытны также поставленныя Аксаковымъ съ удареніемъ слова не́ротъ, неро́ты. (Сквозь плетеный не́ротъ не можетъ пролезть *) и плотичка. Стр. 26. — Морды или неро́ты ставятъ и безъ плетней. Тамъ же). Формы эти не отмѣчены ни у Даля, ни въ Академическомъ Словарѣ. Такъ мало еще изучено наше русское удареніе!

Также и у Тургенева въ текстѣ „Дворянскаго гнѣзда“ по изданію 1859 года мы затруднимся на страницѣ 150-ой слово отсталой читать: отстало́й, такъ какъ этому тексту нечуждо то же самое правописаніе, что и тексту „Семейной хроники“; напримѣръ, на страницѣ 33-ей есть: батистовой платокъ. Написанія же: года и раздалъ въ данномъ текстѣ мы можемъ увѣренно прочитать: года́, разда́лъ, послѣднее какъ передачу южно-великорусскаго произношенія этого слова.

Смѣшно было въ его года надѣть студентскій мундиръ. Стр. 77.

Онъ... раздалъ всѣ свои деньги нищимъ. Стр. 196.

Въ текстѣ „Отцовъ и дѣтей“, изд. 1862 г., находимъ произношенія: учи́тели, чу́челы, плеча́.

Нѣмцы въ этомъ наши учители. Стр. 39. (Хотя здѣсь рѣчь молодого и не держащагося старины человѣка, Базарова, но самое слово употреблено въ возвышенномъ смыслѣ и потому въ старой книжной формѣ).

На полкахъ въ безпорядкѣ тѣснились книги, коробочки, птичьи чучелы, банки, пузырьки. 170—171.

Платокъ скатился съ ея головы на плеча. 221.

У Щедрина видимъ произношенія: ме́ньшій, года́ и го́ды, учи́тели, отпра́вный, копо́шутся.

*) Тогда это слово часто писали черезъ е, очевидно сопоставляя его съ „лазить“ и считая е бѣглымъ.

Пришло время спать постелю стелеть меньшій братъ твой. Признаки времени, изд. 1869 г., стр. 16.

Были старые года, будутъ новые года. Тамъ же, 128.

Она открыто называетъ родныхъ тиранами, желающими заѣсть ея молодые годы. Тамъ же, 140.

Что-то скажутъ наши учители? Тамъ же, 209.

Надѣюсь, что это своего рода отправный пунктъ. Тамъ же, 237.

И всѣ они копошутся, стараются, припасаютъ. Господа Головлевы, изд. 1880 г., стр. 97.

Мы видѣли, впрочемъ, что подобныя указанія на ударенія, извлеченныя изъ особенностей правописанія, не всегда отличаются полною доказательностью. Правописаніе приставки раз, окончаній ый и ой, буквы е послѣ шипящихъ прежде было менѣе устойчиво, и авторы могли допускать написанія, не соотвѣтствующія произношенію; говоря, напримѣръ, размáхъ, громóвый, желудéй, могли все-таки написать: розмахъ, громовой, жолудей. Степень вѣроятности при подобныхъ толкованіяхъ орѳографическихъ фактовъ увеличивается, если изучаемый текстъ отличается строго послѣдовательной орѳографіей. Данныя мѣстнаго говора тоже оказываютъ помощь при подобныхъ соображеніяхъ. Такъ, написаніями Л. Толстого разлилъ, зеленя несомнѣнно выражается то произношеніе этихъ словъ, которое слышится въ Тульской губерніи.

Въ текстахъ писателей нашего времени, отличающихся опредѣленностью орѳографіи, подобныя же написанія уже болѣе точно указываютъ ударенія словъ. Такъ, слова, приведенныя въ слѣдующихъ примѣрахъ, мы можемъ увѣренно читать: бóсый, козы́рный, гýстаго, мѣхóвый.

Онъ ходилъ полуголый, босый... Горькій, Трое, изд. 1903 г., 64=бóсый.

Тузъ точно оказался у Передонова, но не козырный. Сологубъ, Мелкій бѣсъ, изд. 1907 г., 65=козы́рный.

Мы пошли... между двумя стѣнами густаго, высокаго... бурьяна. Купринъ, Дѣтскіе разсказы, изд. 1908 г., 66=гýстаго.

На немъ былъ дырявый мѣховый плащъ... Купринъ, Дѣтскіе разсказы, 53=мѣхóвый.

Удареніе формъ.

Архаизмы у авторовъ.

§ 19. Мы уже говорили, что своеобразныя ударенія, которыя мы находимъ у поэтовъ, являются или архаизмами, которые обыкновенно встрѣчаются не у одного, а у многихъ старыхъ поэтовъ, или провинціализмами, которые и теперь мы можемъ услышать въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Разсмотримъ и тѣ и другія преимущественно въ измѣненіяхъ словъ, когда вмѣстѣ съ формой слова мѣняется и его удареніе.

„Въ „Горѣ отъ ума“ мы находимъ устарѣлыя или простонародныя по ударенію формы: во́ вѣки, локтёмъ, не́ веселы, вну́чатъ, судьи́, резе́да, было́, не́вѣсть, что за́ люди:

Твердила я: въ любви не будетъ этой прока
Ни во́ вѣки вѣковъ.
Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,—
Съ разодраннымъ локтёмъ!
Вы что-то не́ веселы стали.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
На юношей, сынковъ и вну́чатъ.
Судьи́ всему вездѣ, надъ ними нѣтъ судей.
Съ духами скляночки: резе́да и жасминъ *).
Я отъ него было́ и двери на запоръ.
Попробуй о властяхъ—и не́вѣсть что наскажетъ.
Что за́ люди, mon cher!

*) Въ изданіи Маркса, 1892, редактированномъ А. И. Введенскимъ, стихъ этотъ передается въ такомъ, очевидно „исправленномъ“, видѣ:
Съ духами скляночки: есть резеда, жасминъ.

§ 20. Въ басняхъ Крылова мы тоже найдемъ старинныя и простонародныя ударенія: четы́рехъ, было́, и́детъ, станови́тся.

Но не прошло четы́рехъ дней,
Какъ троеженецъ удавился. Троеженецъ.
Пустился конь совсѣхъ четы́рехъ ногъ. Обозъ.
Онъ бросился со всѣхъ четы́рехъ ногъ. Левъ, серна и лиса.
Позавтракать было́ совсѣмъ ужъ собралась. Ворона и лисица.
Одинъ было́ уже прохожій камень взялъ. Прохожіе и собаки.
Не надобно было́ тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ. Крестьянинъ въ бѣдѣ.
Вотъ клеветникъ было́ за ней ужъ очутился. Клеветникъ и змѣя.
Вѣдь и́детъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчу́гъ. Свинья.
Вотъ и́детъ къ мужику онъ попросить совѣта. Трудолюбивый медвѣдь.
Увидя, что товаръ такъ ходко и́детъ съ рукъ... Паукъ и пчела.
Оно отъ браней лишь тучнѣе станови́тся. Алкидъ.
А течь день ото дня сильнѣе станови́тся. Мельникъ.

Сравните у другихъ поэтовъ:

Слухъ и́детъ о твоихъ поступкахъ... Держа́винъ, Фелица.
И́дутъ на широкій дворъ
Въ ворота́ тесовы. Жуковскій, Свѣтлана.
Се и́детъ Бодони съ болонцами своими. Батюшковъ, Отрывокъ изъ „Освобожденнаго Іерусалима“.
И́дутъ тѣсно подъ скалами. Пушкинъ, Бонапартъ и черногорцы.
И́дутъ всѣ полки могучи. Лермонтовъ, Споръ.
И́дутъ милліоны
Вѣковыхъ свѣтилъ. Никитинъ, Тишина ночи.
Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, станови́тся. Державинъ, Водопадъ.
Ахъ! кто останови́тъ меня подъ мрачной тѣнью? Батюшковъ, Сонъ могольца.
И вотъ ущелье мрачныхъ скалъ
Предъ нами шире станови́тся. Пушкинъ, Черновые наброски.

Теперь такія произношенія, какъ: и́дутъ, было́, станови́тся, мы можемъ услышать только къ народныхъ говорахъ, но въ началѣ XIX-го вѣка они, вѣроятно, слышались и въ столицахъ.

§ 21. И у Лермонтова мы изрѣдка замѣтимъ подобныя ударенія; напримѣръ, онъ допускалъ формы: у г л ё м ъ, в ъ л ю д я́ х ъ, к у р я́ т ъ.

Пишу стихи у г л ё м ъ. Веселый часъ.
Желаю, чтобъ воспоминанье,
Въ чужихъ л ю д я́ х ъ, въ чужой странѣ,
Не принесло тебѣ страданье. Разлука.
Сидятъ наѣздники безпечно,
К у р я́ т ъ турецкій свой табакъ. Измаилъ Бей, II.

Сравните у Пушкина въ «Программѣ комедіи»:

Тебѣ ужъ грустно тамъ, гдѣ только банкъ идетъ,
Гдѣ вѣчно не к у р я́ т ъ и долженъ быть одѣтъ.

§ 22. У Пушкина, кромѣ приведенныхъ раньше, мы находимъ и еще устарѣлыя для нашего времени ударенія: п е́ р с т о м ъ (при п е р с т о́ м ъ), х о́ л м а, в ъ к а р т у́ з ѣ, я з ы́ к о м ъ (при я з ы к о́ м ъ), н о ч и́ (при н о́ ч и) к о́ н е й (при к о н е́ й), з а м ѣ н и́ ш ь (при з а м ѣ н и ш ь), х о р о н и́ ш ь (при х о р о́ н и ш ь), я в и́ т с я (при я́ в и т с я).

Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
Въ пуху, в ъ к а р т у́ з ѣ съ козырькомъ. Евгеній Онѣгинъ. 5, XXVI.

Сравните у Батюшкова и В. Пушкина:

Буяновъ, мой сосѣдъ. . . .
Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
Растрепанный, въ пуху, в ъ к а р т у́ з ѣ съ козырькомъ. В. Пушкинъ, Опасный сосѣдъ.
В ъ к а р т у́ з ѣ съ козырькомъ, съ небритыми усами... Батюшковъ, Кн. П. И. Шаликову.

Его баюкаютъ Камены молодыя,
И с ъ п е́ р с т о м ъ на устахъ хранятъ его покой. Дельвигу.
Вѣдь станутъ, въ посмѣянье,
Указывать п е р с т о́ м ъ. Къ Дельвигу.
Вкругъ х о́ л м а обходитъ другъ сильнаго, конь. Сраженный рыцарь.
Я з ы́ к о м ъ сердца говорю. Друзьямъ.
И мучить бѣднаго Ослова,
Священнымъ Феба я з ы к о́ м ъ. Письмо къ В. Л. Пушкину.

Сравните у Державина:

Молоть я з ы́ к о м ъ всякій вздоръ.

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе н о ч и́. Бахчисарайскій фонтанъ.
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,

Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи н о ч и́. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ.
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да к о́ н е й ржанье. Цыганы.
Садись на тройку злыхъ к о н е́ й. Къ А. Н. Галичу.
Ты з а м ѣ н и́ ш ь мнѣ царскую корону. Борисъ Годуновъ.
Свою потерю имъ з а м ѣ н и ш ь. Галубъ.
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы х о р о н и́ ш ь. Къ другу стихотворцу.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно х о р о́ н и ш ь. Галубъ.
Я в и́ т с я Депрео—исчезнетъ Шапеленъ. Къ Жуковскому.
Чѣмъ нынѣ я́ в и т с я? Евгеній Онѣгинъ, 8, VII.

Сравните у другихъ поэтовъ:

Не я в и́ т с я борóда,
Не открыты воротá. Ломоносовъ, Гимнъ бородѣ.
Я в и́ ш ь с я ты царемъ сердецъ. Державинъ, Пѣснь брачная.
Я в и́ м ъ ж е въ ней примѣръ мы въ наши времена. Крыловъ, Собачья дружба.

§ 23. И въ современномъ языкѣ существуютъ такія колебанія ударенія, которыя объясняются смѣшеніемъ старыхъ и новыхъ формъ ударенія. Напримѣръ, мы говоримъ сё с т р а м и и с е с т р á м и, не чувствуя большой разницы между этими произношеніями, хотя послѣдняя форма восходитъ къ старинному произношенію именительнаго множественнаго с е с т р ы́, котораго мы теперь уже никогда не говоримъ.

Супруга, мать, с е с т р ы́ тебя всечасно ждутъ. Аониды 1798—1799, III, Элегія.
Опять пошла съ с е с т р á м и сидѣть за воротами. Пушкинъ, Женихъ.

Грамматика и поэты.

§ 24. Интересно сравнить ударенія старыхъ и новыхъ поэтовъ съ удареніями, которыя указываются въ старыхъ грамматикахъ. Такъ, „Россійская Грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою Академіею“ (изданіе 3-ье, СПб., 1819 года), показываетъ ударенія: п р и́ з р а к ъ, т р а п é з а, б и т в á, к ó н н и ц а, р á в е н с т в о, ó с т а в ъ, р ó з м а х ъ, п р á о т е ц ъ, е р е т и́ к ъ, х á о с ъ, ý з е л ъ — ý з л а, я з ы́ к ъ — я з ы́ к а, ý г о р ь — ý г р я, л ó к о т ь — л ó к т я, т у г ó й, л е д я н ó й, п а р ч е в ó й, г р о м о в ó й, п о ч т ó в ы й.

Мы видимъ, что поэты начала XIX-го вѣка, кромѣ этихъ ударенiй, признанныхъ исключительно литературными, пользуются свободно и другими, уже и для своего времени устарѣлыми и простонародными, какъ: призра́къ, тра́пеза, раве́нство, осто́въ, разма́хъ, праоте́цъ, язы́ка́, локтя́, ледя́ный, парчё́вый, громо́вый, почтово́й.

Конечно, поэты берутъ послѣднія ударяемыя формы прежде всего изъ живого языка образованнаго общества, какъ всегда не похожаго на опредѣленныя грамматическія правила, но богатаго колебаніями между старымъ и новымъ, между изысканнымъ и простымъ.

Среди этихъ сложностей прекрасная наблюдательность и тонкое чутье поэтовъ часто гораздо лучше ученыхъ опредѣляютъ, какимъ формамъ языка предстоитъ укрѣпиться и жить въ будущемъ. Академія предписываетъ ударенія: битва́, язы́ка, у́гря, а поэты употребляютъ би́тва, угря́, языка́, и мы видимъ, что они оказываются лучшими рѣшителями судьбы языка, чѣмъ академики.

И гости ждутъ, чтобъ би́тва началася. Жуковскій, Перчатка.

Мальчишка думая поймать угря́,
Схватилъ змѣю. Крыловъ, Мальчикъ и змѣя.

Даже въ высшей степени точный и осторожный Востоковъ предписывалъ еще въ послѣднихъ изданіяхъ своей грамматики нѣкоторыя уже отжившія или отживающія ударенія, какъ не́ веселы, корото́къ, лего́къ, о которыхъ мы, впрочемъ, уже говорили раньше.

Областное удареніе у поэтовъ.

§ 25. Особенно много случаевъ мѣстнаго южно-великорусскаго ударенія у Кольцова. Таковы встрѣчающіяся у него произношенія: ро́дныхъ, сы́ченымъ, хме́льною, прику́етъ, клю́етъ, уро́дитъ, не се́ржуся, пролй́лася, поплы́ло, прожи́лъ, разви́лъ, на но́чь, за до́лгъ, за мо́ре, людя́ми, семья́ми, дѣдо́въ и др.

Самъ хозяинъ, за ней,
Брагой хмѣльною
Изъ ковшей вырѣзныхъ

Рóдныхъ потчуетъ;
А хозяйская дочь
Медомъ сы́ченымъ
Обносила кругомъ... Крестьянская пирушка.
И сладкою мечтой вновь сердце очаруетъ
И очи томныя къ моимъ очамъ прику́етъ. Первая любовь.
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клю́етъ его. Что ты спишь, мужичокъ?
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ урóдитъ намъ? Крестьянская пирушка.
Я за твой обманъ не сéржуся. Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись.
И пролйлася
Слезой крупною. Урожай.
А что худо—смотришь,
По водѣ поплы́ло! Первая пѣсня лихача кудрявича.
Почти вѣкъ я прожйлъ,
Никого не любя. Разсчетъ съ жизнію.
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развйлъ. Тамъ же.
Пѣсню славы
Едва начáлъ—и стихъ средь юныхъ лѣтъ. Вздохъ на могилѣ Веневитинова.
(Поле) Нагуститъ свои туманы,
Въ нихъ одѣнется на нóчь. Бѣгство.
И лошадокъ, за дóлгъ,
По сосѣдямъ развелъ. Что ты спишь, мужичокъ?
По людя́мъ ходить, за мóре плыть—
Надо кровь опять горячую. Перепутье.
Мелкія причины
Тѣшились людя́ми. Неразгаданная истина.
Для нихъ ли, въ роскоши, семья́ми,
Румяной ягодой, цвѣтами...
Вы, травы, зрѣете въ тиши? Цвѣтокъ.
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдóвъ,
Украйны вольныя сыновъ. Ночлегъ чумаковъ.

§ 26. Подобныя южно-великорусскія ударенія мы найдемъ и у другихъ поэтовъ, уродившихся или воспитавшихся на югѣ Россіи: Никитина, А. Толстого и проч. Они ставятъ чисто народныя формы ударенія: сваты́, волки́, кафтаны́, плутóмъ, усóмъ, въ кувшинѣ́, деньга́ми и нѣкоторыя другія, мѣстныя.

Сваты́ и пчелинецъ усѣлись въ кружокъ. Никитинъ, Купецъ на пчельникѣ.
Ассиріяне шли, какъ на стадо волки́,
Въ багрецѣ ихъ и въ златѣ сіяли полки. А. Толстой.
Раструбистые кафтаны́.

Рубашки, шапки, зипуны. Никитинъ, Кулакъ, IV (вар.).
Согнешься нехотя кольцомъ
Передъ зажиточнымъ плутóмъ. Никитинъ, Кулакъ, III.
Сперва лишь на мѣстѣ поводитъ усóмъ. А. Толстой, Садко.
И отъ мороза на окнѣ
Вода застыла въ кувшинѣ. Никитинъ, Портной.
Одѣлитъ деньгáми и весело крикнетъ... (Народное). Никитинъ, Ночлегъ извощиковъ.
Заскрипѣли двери, сундуки съ деньгáми
Вынесли на бéрегъ. Надсонъ, Боярпнъ Брянскій.

§ 27. Даже въ томъ случаѣ, когда ударенія поэта намъ не извѣстны изъ говоровъ, которые дали содержаніе его языку, все-таки надо предполагать, что непонятныя намъ ударенія свойственны его роднымъ говорамъ, а не являются „поэтической вольностью", т. е. искаженіемъ языка ради стихотворнаго размѣра. Мы вообще имѣемъ еще не слишкомъ богатыя свѣдѣнія о мѣстныхъ нарѣчіяхъ, и на основаніи одной справки у Даля — какъ это иногда бываетъ—не можемъ говорить, что въ живомъ русскомъ языкѣ нѣтъ того, что находимъ у автора. Если у Никитина встрѣчается, и не разъ, форма „свѣчý", а у Ратгауза „каминóмъ", то, очевидно, они нерѣдко слышали подобныя произношенія.

И свѣчу сальную зажегъ. Никитинъ, Поѣздка на хуторъ.
Въ уютной комнатѣ своей,
Предъ каминóмъ, горящимъ ярко... Ратгаузъ, Страничка изъ одной жизни.

§ 28. Затруднимся мы объяснить изъ живого или стараго языка тóлько очень немногія стихотворныя ударенія. Таковы: къ рáзсвѣту у Крылова, воздѣлáтель у Майкова, йгла у Буренина, не одобренное Бѣлинскимъ и свѣтила у Тургенева.

Но къ рáзсвѣту едва съ работою убрался,
Пришелъ и щеткою все смелъ слуга долой. Крыловъ, Подагра и паукъ.
Онъ воздѣлáтель мирный садовъ... Майковъ, Пріапу.
О, еслибъ ихъ душа постигла
Глаголъ небесъ, и въ ихъ тѣла
Вонзилась власяницы йгла. Буренинъ, Ролла, IV.
Не свѣтила луна, хоть и взошла. Тургеневъ, Параша. (У Бѣлинскаго, VIII, 220).

§ 29. Въ винительномъ падежѣ словъ женскаго рода на а: зимá, золá, избá, овцá, мы обыкновенно переносимъ удареніе на корень слова, т. е. говоримъ: зи́му, зóлу,

и́збу, о́вцу. У писателей однако встрѣчаются, рядомъ съ общепринятыми, ударенія: з и м у́, з о л у́, и з б у́, о в ц у́, которыя часто слышатся въ народныхъ, особенно въ южныхъ говорахъ.

Нейдетъ она з и м у́ встрѣчать. Пушкинъ, Евгеній Онѣгинъ, 7, XXX.

Она сидѣла на полу
И груду писемъ разбирала,
И какъ остывшую з о л у́,
Брала ихъ въ руки и бросала. Тютчевъ.

Мужикъ, и з б у́ рубя, на свой топоръ озлился. Крыловъ, Крестьянинъ и топоръ.

Я вижу полное гумно,
И з б у́, покрытую соломой. Лермонтовъ, Отчизна.

Крестьянинъ позвалъ въ судъ о в ц у́. Крыловъ, Крестьянинъ и овца.

Изъ лѣсу сѣрый волчище выходитъ.
Чью онъ о в ц у́ унесетъ? Некрасовъ, Морозъ, красный носъ, XXVI.

У Лермонтова мы найдемъ даже южно-великорусское удареніе г о л о в у́, котораго литературный языкъ никакъ не допускаетъ.

Открылъ [бурку]—и даръ его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видитъ—Боже правый!
Своей Леилы г о л о в у́. Хаджи-абрекъ.

Въ словѣ с е м ь я́ литературный языкъ вообще колеблется между формами с е́ м ь ю и с е м ь ю́.

А въ с е́ м ь ю не включимъ. Грибоѣдовъ, Горе отъ ума.
И видѣлъ вновь с е м ь ю́ друзей. Пушкинъ, Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ.
Весело видѣть с е м ь ю́ поселянъ,
Въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ... Некрасовъ, Саша.
Я за границею тоскую...,
Въ с е м ь ю́ мнѣ хочется родную... К. Р., Письмо къ дежурному по полку.

§ 30. Литературный языкъ никогда не переноситъ ударенія въ формахъ дательнаго падежа словъ женскаго рода, оканчивающихся на а: мы говоримъ исключительно: п о с п и н ѣ́, к ъ з и м ѣ́ и т. п. Но въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го вѣка простонародныя формы дательнаго съ перенесеннымъ удареніемъ: п о с п и́ н ѣ, к ъ з и́ м ѣ, вѣроятно, еще

слышались и въ образованномъ обществѣ; поэтому они и встрѣчаются въ басняхъ В. Майкова и Крылова.

Не ты ль намъ къ зи́мѣ на тулупы
Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ овецъ? Крыловъ,
Слонъ на воеводствѣ.

§ 31. Обыкновенно мы говоримъ: за́ ногу, на́ землю, на́ поле, на́ берегъ, на́ голову, на́ душу, о́ землю, по́ морю, по́ небу, по́ берегу, по́ лугу, у́ моря, т. е. переносимъ удареніе съ начала слова на предлогъ. Южновеликорусское нарѣчіе обыкновенно имѣетъ удареніе, стоящее на началѣ существительнаго: за но́гу, на зе́млю, на по́ле, на бе́регъ, на го́лову, на ду́шу, о зе́млю, по мо́рю, по не́бу, по бе́регу, по лу́гу, у мо́ря, Съ такими и подобными удареніями мы найдемъ много формъ у поэтовъ, въ основѣ языка которыхъ лежитъ южновеликорусскій говоръ: Жуковскаго, Лермонтова, А. Толстого и другихъ.

Пустился на выверть пятами мѣсить,
Закидывать но́гу за но́гу. А. Толстой, Садко.
На зе́млю съ плечъ спустилъ дрова долой. Крыловъ,
Крестьянинъ и смерть.
И вотъ на по́ле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь. Лермонтовъ, Бородино.
На бе́регъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ. Лермонтовъ, Воздушный корабль.
Какія только знаю я проклятья,
Я всѣ зову на го́лову его. А. Толстой, Донъ-Жуанъ.
Дохни, Господь, живящей бурей
На ду́шу сонную мою. А. Толстой, Я задремалъ, главу
понуря.
И топнувъ о зе́млю ногою. Лермонтовъ, Воздушный
корабль.
По мо́рю на темный востокъ...
Несется невѣрный челнокъ. Лермонтовъ, Челнокъ.
По не́бу полуночи ангелъ летѣлъ. Лермонтовъ, Ангелъ.
Мы ягоды увидѣли лѣсныя,
Алѣвшія по бе́регу ручья. А. Толстой, Драконъ, 150.
Не лѣпо ли намъ вмѣстѣ
Въ цвѣтахъ идти по лу́гу? А. Толстой, Порой веселой мая.
А самъ онъ у мо́ря, съ веселымъ лицомъ. А. Толстой
Пѣсня о Гаральдѣ.

§ 32. Подобное явленіе мы наблюдаемъ и въ прошедшемъ времени глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами: литературный языкъ переноситъ удареніе на предлогъ-приставку: до́былъ, на́звалъ, на́чалъ, о́бнялъ, о́тдалъ.

о́тперъ, пе́редалъ, пе́режилъ, пе́релилъ, про́жилъ, ра́звилъ; южно-велико-русское нарѣчіе ставитъ удареніе на корнѣ: добы́лъ, назва́лъ, нача́лъ, обня́лъ, отда́лъ, отпёръ, переда́лъ, перели́лъ, прожи́лъ, разви́лъ. Такія ударенія часто встрѣчаются у нашихъ поэтовъ юга. Иногда эти привычныя для нихъ ударенія, очевидно, кажутся имъ вполнѣ литературными; иногда они затрудняются отъ нихъ освободиться. Такъ напримѣръ, у Никитина южно-великорусскія ударенія встрѣчаются чаще въ первыхъ редакціяхъ его стихотвореній (что мы обозначаемъ здѣсь словомъ „варіантъ", „вар."). Очевидно, при переработкѣ стихотвореній поэтъ устранялъ изъ нихъ и мѣстное удареніе.

Все то я добы́лъ лишь на вѣно тебѣ. А. Толстой, Пѣсня о Гаральдѣ.

Ну что́ же? Назва́лъ ли злодѣевъ гонецъ? А. Толстой, Василій Шибановъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный
Изъ неизвѣстныхъ намъ началъ
Образовался непонятно
И бытіе свое нача́лъ. Никитинъ.

И, заплакавъ горько,
Мать обня́лъ рукой. Никитинъ, Жена ямщика (вар.).

О́, сколько-бъ я тогда отда́лъ земныхъ
Блаженствъ... Лермонтовъ, Ночь I.

Что тотъ ему за полъ-цѣны товары
Свои отда́лъ. А. Толстой, Посадникъ.

Все я отда́лъ тебѣ, сложилъ къ твоимъ ногамъ. Ратгаузъ, Я вѣрить не хочу.

Взялъ ключь и замокъ на воротахъ отпёръ. Никитинъ, Ночлегъ извощиковъ.

И Титира свирѣль потомству переда́лъ. Батюшковъ, Посланіе И. М. М. А.

На немъ печать могилъ
Тѣхъ юношей, которыхъ пережи́лъ. Лермонтовъ, Въ Воскресенскѣ.

Не даромъ въ звуки пѣснопѣній
Ты чувства сердца перели́лъ. Никитинъ, Не говори, что жизнь ничтожна (вар.).

Какъ онъ мало прожи́лъ, какъ онъ скоро увялъ. Ратгаузъ, Осенніе цвѣты.

Въ лучахъ огневицы разви́лъ онъ свой міръ. Тютчевъ, Сонъ на морѣ.

§ 33. Отрицаніе не, подобно предлогамъ-префиксамъ въ литературномъ языкѣ беретъ на себя удареніе съ нѣкоторыхъ односложныхъ глаголовъ прошедшаго времени;

мы говоримъ: нé далъ, нé жилъ, нé пилъ, нé спалъ, но у писателей, по вліянію тѣхъ же южно-великорусскихъ говоровъ, находимъ, рядомъ съ приведенными, формы съ неударяемыхъ не: не дáлъ, не жúлъ, не пúлъ, не спáлъ.

Ужель мелодій чудныхъ звукъ
Не дáлъ тебѣ отрадъ высокихъ? Ратгаузъ, Поэтъ, муза и духъ сомнѣнья.
Для чего не жúлъ въ пустынѣ? Лермонтовъ, Смѣло вѣрь тому...
Я вина не пúлъ,—съ воды былъ пьянъ. Полонскій, Бѣглый.
Ужель, усталый и мятежный,
Не пúлъ блаженства ты въ тиши? Ратгаузъ, Поэтъ, муза и духъ сомнѣнья.
Пилъ мертвую! не спáлъ ночей по девяти. Грибоѣдовъ, Горе отъ ума.

§ 34. Относительно случаевъ, приведенныхъ въ предыдущихъ §§-ахъ, нужно замѣтить, что формы, которыя мы называемъ южно-великорусскими, встрѣчаются и у тѣхъ поэтовъ, которые были уроженцами и воспитанниками сѣверной полосы Россіи: Батюшкова, Некрасова и другихъ. Если эти поэты употребляютъ ударенія, которыхъ нѣтъ въ тѣхъ говорахъ, среди которыхъ они родились и росли, то, очевидно, они взяли такія ударенія изъ литературнаго языка: или изъ живого говора образованнаго общества, испытывающаго вліяніе и сѣверныхъ, и южныхъ русскихъ нарѣчій, или же непосредственно —изъ языка поэтовъ-южновеликоруссовъ. Перекрестными вліяніями на нашъ языкъ сѣверныхъ и южныхъ говоровъ мы только и можемъ объяснить нѣкоторыя допускаемыя въ немъ колебанія между двумя какъ бы совершенно равноправными въ употребленіи формами, какъ: нé бралъ, и не брáлъ, нé спалъ и не спáлъ и т. п.

§ 35. Особенно много такихъ колебаній ударенія мы видимъ между корнемъ и окончаніемъ ся въ глаголахъ прошедшаго времени. Предпочитая удареніе на окончаніи: брался́, взялся́, впился́, клялся́, лился́, назвался́, принялся́, раздался́, разжился́, расплылся́, рвался́, убрался́, ужился́ и т. п., мы терпимы и къ часто встрѣчающемуся у поэтовъ ударенію: брáлся, взя́лся, впúлся, кля́лся, лúлся, назвáлся, приня́лся, раздáлся, разжúлся, расплы́лся, рвáлся, убрáлся, ужúлся и т. п. И здѣсь мы въ первомъ рядѣ

произношеній видимъ преимущественно сѣверно-великорусскія формы, во второмъ рядѣ—по преимуществу южно-великорусскія.

Б р á л с я пастухъ за свирѣль. Никитинъ, Лѣсникъ и его внукъ.

Для друга сослужить большую в з я́ л с я службу. Крыловъ, Воспитаніе льва.

И льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ в п я́ л с я. Крыловъ, Левъ и комаръ.

Что ею только онъ и к л я́ л с я и божился. Крыловъ, Крестьянинъ и змѣя.

Но сквозь воздушный завѣсъ оконъ
Недолго л я́ л с я мракъ ночной. Тютчевъ, Вчера въ мечтахъ обвороженныхъ...

И съ бурею братомъ н а з в á л с я бы я. Лермонтовъ, Въ тѣснинѣ Кавказа я знаю скалу.

Тутъ силой всей народъ тушить пожаръ п р и н я́ л с я. Крыловъ, Пожаръ и алмазъ.

Хоръ громкихъ соловьевъ, въ густыхъ лѣсахъ р а з д á л с я. Крыловъ, Чижъ и ежъ.

Нашъ первый поцѣлуй р а з д á л с я въ тишинѣ. Надсонъ, Не принесетъ, дитя, покоя...

Поди: дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки р а з ж я́ л с я. Крыловъ, Откупщикъ и сапожникъ.

Какъ облачко, въ черной дали
Р а с п л ы́ л с я. Полонскій, Сны, V.

Бѣдняжка въ ней и р в á л с я и метался. Крыловъ, Чижъ и голубь.

Схватилъ кусокъ мяса, и съ нимъ скорѣй у б р á л с я. Крыловъ, Волкъ и мышонокъ.

Онъ гордъ былъ, не у ж я́ л с я съ нами. Лермонтовъ, Пророкъ.

§ 36. Старинное и народное удареніе мы видимъ и въ краткой формѣ слѣдующихъ именъ прилагательныхъ мужескаго рода: н е р о в ё н ъ (часъ), с и л ё н ъ, в о л ё н ъ, с м и р ё н ъ, х м е л ё н ъ, ч е р ё н ъ, к о р о т о́ к ъ, л е г о́ к ъ. Теперь мы обыкновенно говоримъ: с и́ л е н ъ, в о́ л е н ъ, с м и́ р е н ъ, х м е́ л е н ъ, к о́ р о т о к ъ, л ё г о к ъ; только въ ходячемъ выраженіи: „часъ н е р о в ё н ъ“ предпочитаемъ первое удареніе.

Часъ н е р о в ё н ъ. А. Толстой, Посадникъ.

На свѣтѣ кто с и л ё н ъ,
Тотъ дѣлать все в о л ё н ъ. Крыловъ, Котенокъ и скворецъ.

На мысли волку вспало,
Что левъ, конечно, не с и л ё н ъ,
Коль такъ с м и р ё н ъ. Крыловъ, Левъ и волкъ.

Въ насъ, въ людяхъ, разсудокъ с и л ё н ъ. Случевскій, Мнѣ грезились сны золотые.

Или хмѣлёнъ не въ мѣру? А. Толстой, Князь Михайло Репнинъ.

Гришуха черёнъ, какъ галченокъ. Некрасовъ, Морозъ, красный носъ.

Поставь свою ты куклу въ уголокъ:
Разсказъ мой будетъ коротóкъ. Крыловъ, Ягненокъ.
При томъ же кошелекъ
У грека сталъ легóкъ. Батюшковъ, Странствователь и домосѣдъ.

Видать случалось часто мнѣ,
Какъ доступъ не легóкъ въ высокія палаты. Крыловъ, Миронъ.

Здоровъ ли? Все такъ же ль легóкъ его бѣгъ? Пушкинъ, Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ.

Какъ-то шумливъ и легóкъ
Дождь начинается лѣтній. Некрасовъ, Деревенскія новости.

§ 37. Старинныя и народныя ударенія нерѣдко встрѣчаются у поэтовъ и въ личныхъ формахъ глаголовъ настоящаго и будущаго времени. Таковы, напримѣръ, слѣдующія за этимъ: валйтся при обычномъ теперь вáлится, погасйтъ вм. погáситъ, дѣлйтъ вм. дѣлитъ, измѣнйтъ вм. измѣнитъ, исключáтъ вм. исключáтъ, катйтъ, катйтся вм. кáтитъ, кáтится, копйшь вм. кóпишь, копóшатся (копйшатся) вм. копошáтся, крестйтся вм. крéстятся, кружйтся вм. крýжится, манйтъ вм. мáнитъ, умóритъ вм. уморйтъ, садйтъ вм. сáдитъ, тащйтъ, тащáтся вм. тáщитъ, тáщатся, трýдимся вм. трудймся, уронйтъ вм. урóнитъ, цѣнятъ вм. цѣнятъ и т. п.

Клоками бѣлый снѣгъ валйтся. Лермонтовъ, Русская пѣсня.

Но если жизнь роптать научитъ,
Любовь и вѣру погасйтъ. Никитинъ, Молитва дитяти.

Кто добръ, тому избытки въ тягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлйтъ. Крыловъ, Лань и дервишъ.

Надежда измѣнйтъ. Батюшковъ, Мечта.

Знаю я его!
Исключáтъ. Больше ничего. Никитинъ, Кулакъ, XVI.

Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катйтъ въ глаза. Крыловъ, Стрекоза и муравей.

Слеза катйтся изъ очей. Лермонтовъ, Звуки и взоръ.

Кому казну-то ты копйшь? (Народное). Никитинъ, Кулакъ, XVI (вар).

И тамъ копйшутся себѣ въ грязи? Пушкинъ, Домикъ въ Коломнѣ. XV (рукопись).

И на остаткахъ жилья погорѣлаго
Люди какъ черви на трупѣ копóшатся. Некрасовъ, Пожарище.

Вошедши, на икону
Крестя́тся въ красный куть. А. Толстой, Сватовство.

Мокрый снѣгъ,
Какъ туча бѣлыхъ мухъ, кружи́тся;
Минута — ливнемъ онъ смѣни́тся! Никитинъ, Кулакъ, XVII (вар.).

Одна природа васъ мани́тъ. А. Толстой, Вы все любуетесь на скалы.

Не умóритъ съ голода,
Не накормитъ дóсыта. Никитинъ, Безталанная доля.

Никто тамъ ни сади́тъ, ни сѣетъ. Крыловъ, Лжецъ.

Раздраженный жидъ
Младую женщину тащи́тъ. Лермонтовъ, Преступникъ.

Тащáтся шагъ за шагъ. Крыловъ, Моръ звѣрей.

Въ недоумѣньи тащáтъ муравьи,
Что ни попало, въ жилища свои. Некрасовъ, Саша, 2.

Мы трýдимся вдвоемъ. А. Толстой, Я вмѣсто матери...

А дочкѣ горя нѣтъ..., сидитъ,
Одной слезы не урони́тъ. (Народное). Никитинъ, Кулакъ, XVIII (вар.).

Всѣ въ-запуски его цѣня́тъ. Крыловъ, Крестьянинъ и работникъ.

§ 38. Разумѣется, что не всѣ приведенныя здѣсь ударенія сходны по употребленію.

Одни изъ нихъ устарѣли совершенно: мы, напримѣръ, не говоримъ: дѣли́тъ, измѣни́тъ, смѣни́тся, сади́тъ.

Другія имѣютъ провинціальный характеръ; таковы: погаси́тъ, исклю́чатъ, копишь, умóритъ, тащи́тъ, урони́тъ.

Третьи и теперь не считаются нами недопустимыми; мы произносимъ: вáлитъ, вáлится и вали́тъ, вали́тся (рѣже), кáтитъ, кáтится и кати́тъ, кати́тся (рѣже), крéстятся и крестя́тся (рѣже), крýжится и кружи́тся, мáнитъ и мани́тъ, трýдимся и труди́мся, цѣ́нятъ и цѣня́тъ. (Примѣры изъ Пушкина на эту послѣднюю группу глаголовъ съ двоякимъ удареніемъ приведены дальше; см. страницу 66 и 67).

Удареніе неустойчивое.

§ 39. Пушкинъ колебался между формами: плю́щемъ и плющёмъ, лѣ́та и лѣтá, знамёна и знаменá, ýтра и утрá, кáтится и кати́тся, вáлитъ и ва-

ли́тъ, тру́битъ и труби́тъ, цѣ́нишь и цѣни́шь, ма́нитъ и мани́тъ, на́звали и назва́ли, роди́лся и родился́, подня́лся и поднялся́, взви́лся и взвился́, пото́пленный и потоплённый, окрова́вленный и окровавлённый, опёршись и оперши́сь. Эти колебанія у Пушкина происходили, конечно, не оттого, что онъ затруднялся употреблять русское удареніе; наоборотъ, свободное пользованіе тѣми и другими приведенными формами показываетъ, что нашъ великій поэтъ необыкновенно тонко и точно усвоилъ живой русскій языкъ и не упускалъ случаевъ пользоваться разнообразіемъ его формъ для поэтическихъ цѣлей. Сравненіе указанныхъ Пушкинскихъ удареній съ современными убѣждаетъ насъ въ томъ, что уже давно въ русскомъ литературномъ языкѣ во многихъ словахъ,—какъ, напримѣръ, приведенныя выше,—установились двоякія ударенія: съ такими удареніями мы произносимъ эти слова сами и слышимъ ихъ часто отъ другихъ образованныхъ людей, и никто изъ насъ не отдаетъ явнаго предпочтенія однимъ формамъ передъ другими. Возьмемъ для сравненія формы: времена́, ба́ню, хо́дитъ, би́лся, и мы увидимъ, что русскій языкъ въ этихъ словахъ вовсе не допускаетъ произвольной подвижности ударенія, которое является неустойчивымъ только въ извѣстныхъ, сравнительно небольшихъ, рядахъ словъ.

Плющемъ, розами увиты,
Игры вслѣдъ за нимъ пошли. Гробъ Анакреона.
Плю́щёмъ опутаны ихъ роги. Торжество Вакха.
Въ мои ли лѣта
Искать надменнаго привѣта
Самолюбивой красоты? Полтава, II.
Свои лѣта́ возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ. Полтава, III.
Шумятъ знамёна бранной чести. Война.
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена́. Наполеонъ.
Ужъ у́тра яркое свѣтило
Поля и рощи озарило. Моему Аристарху.
Съ утра́ до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной. Муза.
Ужъ солнце ка́тится высоко. Евгеній Онѣгинъ, 6, XXIV.
Съ лица кати́тся потъ остылый. Русланъ и Людмила, I.
Къ нимъ народъ на встрѣчу ва́литъ,
Хоръ церковный Бога хвалитъ. Сказка о царѣ Салтанѣ.
Въ волненьѣ радостномъ народъ
Вали́тъ за всадникомъ, тѣснится. Русланъ и Людмила, VI.

Чудесный воинъ на конѣ...
Въ ревущій рогъ, летая, т р у́ б и т ъ. Русланъ и Людмила, VI.
Т р у б и́ т ъ ли рогъ, гремитъ ли громъ. Эхо.
Кумиръ ты ц ѣ́ н и ш ь Бельведерскій. Чернь.
Слегка Шекспира не ц ѣ н и́ ш ь. Калмычкѣ.
Знакомый пиръ ихъ м а́ н и т ъ вновь. Бородинская годовщина.
Она м а н и́ т ъ его рукою. Русалка.
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись и н а́ з в а л и Бориса. Борисъ Годуновъ.
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы н а з в а́ л и франтъ. Евгеній Онѣгинъ, 1, XXV.
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Р о д и́ л с я на брегахъ Невы. Евгеній Онѣгинъ, 1, II.
Кто жъ р о д и л с я́ мужчиною, тому
Рядиться въ юбку странно и напрасно. Домикъ въ Коломнѣ.
П о д н я́ л с я шумъ, прощальный плачъ. Евгеній Онѣгинъ, 7, XXXI.
Сынъ на ножки п о д н я л с я́. Сказка о царѣ Салтанѣ.
Какъ в з в и́ л с я, какъ понесъ меня... Гусаръ.
Но кверху вдругъ в з в и л с я́ я пухомъ. Гусаръ.
Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ п о т о́ п л е н н ы й глядитъ. Евгеній Онѣгинъ, 5, VIII.
Сбѣжали мутными ручьями
На п о т о п л ё н н ы е луга. Евгеній Онѣгинъ, 7, I.
По о к р о в а́ в л е н н о й травѣ
Бѣжитъ съ намѣреньемъ жестокимъ. Русланъ и Людмила, III.
(Алеко) Съ ножемъ въ рукахъ, о к р о в а в л ё н н ы й,
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ. Цыганы.
О п ё р ш и с ь на плотину, Ленскій
Давно нетерпѣливо ждалъ. Евгеній Онѣгинъ, 6, XXVI.
На посохъ о п е р ш и́ с ь дорожный,
Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ. Цыганы.

§ 40. Много колебаній замѣчается въ удареніи именъ прилагательныхъ множественнаго числа, когда они стоятъ въ рѣчи съ краткимъ окончаніемъ. Грамматики рекомендуютъ намъ произношенія: в е л и́ к и, в и́ д н ы, н о́ в ы, п о́ л н ы, ч е́ с т н ы; д а л е к и́, м о к р ы́, с в ѣ т л ы́, у м н ы́. На ряду съ ними мы, однако, допускаемъ также произношенія: в е л и к и́, в и д н ы́, н о в ы́, п о л н ы́, ч е с т н ы́; д а л ё к и, м о́ к р ы, с в ѣ́ т л ы, у́ м н ы. Послѣдніе варіанты нашихъ произношеній мы найдемъ и у поэтовъ, которые нерѣдко пользуются тою изъ двухъ существующихъ въ живомъ языкѣ формъ, которая нужна для размѣра стиха. Такъ у Грибоѣдова находимъ: н о́ в ы и н о в ы́, у Полонскаго—п о́ л н ы и п о л н ы́, у А. Толстого—с в ѣ́ т л ы и с в ѣ т л ы́, у Никитина—д а л е к и́, а у Ратгауза—д а л ё к и и т. д.

И какъ ни великй въ немъ правила и твердость... А. Толстой, Донъ-Жуанъ.
О! какъ въ лицѣ его еще видны
Слѣды заботъ и внутренней войны. Лермонтовъ, Наполеонъ.
Въ которой всѣ добры, всѣ искренно честны. Случаевскій, Не трогаютъ меня...
Не мóкры ваши платья. А. Толстой, Сватовство.
Но признано всѣмъ свѣтомъ...,
Что стали ýмны хоть куда. Грибоѣдовъ, Горе отъ ума.
Дома новы, но предразсудки стары. Грибоѣдовъ, Горе отъ ума.
Примѣры мнѣ не нóвы. Грибоѣдовъ, Горе отъ ума.
Пóлны задумчивой тайны
Въ душу глядятъ ея глазки. Полонскій, Иногда.
Слова эти были такъ нѣжны
И такъ нетерпѣнья полны. Полонскій, Сны, II.
Днѣпра жъ свѣтлы стремнины. А. Толстой, Сватовство.
И свѣтлы, какъ заря,
Два славные предстали
Предъ нимъ богатыря. Тамъ же.
Какъ мы близки, какъ далёки
Отъ разгадки бытія! Ратгаузъ, Жизнь земная — отраженье.
Ноетъ душа отъ тяжелой тоски:
Пашни родныя куда далекй. Никитинъ, Мертвое тѣло.

Указатель.

ОПЕЧАТКИ.

страница	строка	напечатано:	слѣдуетъ:
7	15 сверху	друго	другое
9	9 „	народа.	народа
9	18	броня	бро́ня
9	19 „	вѐрба и.	вѐрба и
9	1 снизу	дневной	дневно́й
10	2 сверху	дрогну́ть	дро́гнуть
10	9 „	заевѣса	завѣса
10	13 снизу	коротать	коротать,
10	12 „	старое)	(старое)
11	15 сверху	порекать	порекать.
12	16 „	(народное).	(народное).
12	22 „	удареніе	удареніе.
13	15 „	окружной	окружно́й,
13	13 снизу	дипломбировать	пломби́ровать
19	15 сверху	зеркальныхъ	зѐркальныхъ
20	6 „	Или	И́ли
20	7 „	И́зъ	Изъ
23	15 „	Симони.	Симони
24	20 снизу	жарко,	жарко.
26	2 „	дакъ	какъ
27	2 сверху	Онѣгинъ	Онѣгинъ,
32	4 снизу	сдѣлались	сдѣлалось
35	17	здѣсь	здѣсь,
38	10 „	ударенія	ударенія.
41	5 сверху	Ключь	Ключъ.
41	13 „	су́мерки.	сумерки
41	13 снизу	фитиль	фити́ль,
43	20 сверху	естественности.	естественности
47	19 снизу	1840 г.	1840 г.,
53	3 „	къ	въ
56	6 сверху	языка	языка́
56	23 „	Мальчишка	Мальчишка,
58	14 сверху	епе	не
58	14 снизу	и	не
60	12 сверху	зѐмлю.	зѐмлю,
60	13 „	мо́ря,	моря.
60	6 снизу	Толстой	Толстой,
61	2 сверху	южно-велико-русское	южно-великорусское
61	3 снизу	префиксамъ	префиксамъ,
63	19 сверху	соловьевъ,	соловьевъ

Кромѣ того, на страницѣ 31-ой пропущены слѣдующіе примѣры на формы: характѐрный, хмѐльный, холо́дность.

Что въ іюлѣ пропитанъ ты весь
Смѣсью водки, конюшни и пыли—
Х а р а к т ѐ р н а я русская смѣсь. Некрасовъ, Кому холодно, кому жарко.

Х м ѐ л ь н ы й пиръ приготовь. Никитинъ.
Убійственны х о л о́ д н о с т ь ю своею! Грибоѣдовъ, Горе отъ ума.

ОГЛАВЛЕНІЕ.